

западный областной комплексный
научно-исследовательский
институт (зони)

ФОЛЬКЛОР фабрично-заводских рабочих

ЗОНИ • смоленск • 1934

ЗАПАДНЫЙ ОБЛАСТНОЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ (ЗОНИ)

ФОЛЬКЛОР ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ

СТАТЬИ И ТЕКСТЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. П. М. СОБОЛЕВА

ИЗДАНИЕ ЗОНИ — 1934 — СМОЛЕНСК

Редактор П. М. Соболев
Техред С. С. Чоловский

Сдано в набор 26/XI—1933 г. Подписано к печати 30/IV—1934 г.
Март. Изд. № 3. Запоблит № 1585. Тираж 600 экз. 8,5 печ. л. Ф. бум-
32×88— $\frac{1}{16}$. В 1 п. л. 41952 тип. зн. Смоленск, типография им. Смирнова.
Заказ № 3833.

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник посвящен фольклору фабрично-заводских рабочих дооктябрьской эпохи, при чем подавляющее большинство печатаемых нами текстов относится ко второй половине XIX в. и самому началу XX в., и только незначительная их часть захватывает первую половину XIX в. Причины этой диспропорции выясняются в помещаемых в сборнике статьях.

Некоторые из текстов, представляющие книжные стихотворения и принадлежащие иногда перу известных поэтов, могут вызвать у читателя недоуменный вопрос в смысле отнесения их к фольклору. Поэтому следует оговориться, что под фольклором мы разумеем не только поэтические памятники, устные по своему созданию и употреблению, но и те из книжных произведений, которые вошли в устно-поэтический репертуар какого-либо общественного класса или классовой группы (в данном случае — фабрично-заводских рабочих) и приобрели таким путем широкое распространение. Указанием на устное бытование печатаемых в сборнике памятников книжной поэзии нам служили свидетельства современников, мемуары и воспоминания, присутствие соответствующих стихотворений в песенниках и пр.

Издаваемый нами сборник не претендует даже на приблизительную полноту. Но при отсутствии какой бы то ни было систематизации устной поэзии рабочего класса и при эмбриональном состоянии научной разработки этой поэзии мы позволяем себе надеяться, что наш скромный труд не будет бесполезным.

К ИЗУЧЕНИЮ ФОЛЬКЛОРА ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ

„История пролетариата — наука еще совсем молодая. У господствующих в России, до Октябрьской революции, классов не было особенной нужды и интереса изучать историю рабочего класса. Зато пролетариату, свергнувшему власть буржуазии и дворянства, необходимо знать свое прошлое, ибо это знание имеет огромное революционно-воспитательное значение.

В промышленность Советского Союза с каждым годом вливаются новые слои рабочих, не знающих на собственном опыте, что такое капиталистическая и докапиталистическая эксплуатация. Знакомство с историческим прошлым может отчасти заменить этот личный опыт, оно невольно наведет на сравнение того, что есть, и того, что было, и еще живее заставит почувствовать ту огромную пропасть, которая легла между вчерашним рабом и сегодняшним хозяином Союза советов“.

Так начинает свою интересную книжку А. Гайсинович.¹

С того же самого и с еще большим основанием приходится начинать и работу о поэзии пролетариата дооктябрьской эпохи.

Здесь мы встречаемся не только с полным отсутствием научной разработки поэтического материала, в особенности массовой песни рабочих, но и с огромными, иногда совершенно непоправимыми пробелами в этом материале. Русская дворянская и буржуазная наука, не интересуясь историей пролетариата, еще менее уделяла внимания поэзии рабочего класса. В то время как дореволюционные опыты рабочих в книжной поэзии могут еще стать предметом научного исследова-

¹ А. Гайсинович. Рабочий класс крепостной эпохи. ДВОУ, издательство „Пролетар“, 1931, стр. 3.

ния, огромная часть произведений пролетарского фольклора, во-время не записанная и прекратившая свое существование в устном обиходе, останется навсегда „областью неведомой“. Дело, конечно, не в том, что старые исследователи и собиратели памятников устной поэзии не знали фольклора фабрично-заводских рабочих: они просто отворачивались от него, как от чего-то антихудожественного, уродливого, и если иногда и обращались, например, к распространенным среди рабочих песням, то исключительно для того, чтобы показать их, как „куриозы“, как „извращение народного песнотворчества“¹.

А между тем массовая песня, носившая нередко ярко выраженный революционный характер, сыграла огромную роль в судьбах русского пролетариата: воодушевляемый ее боевыми звуками, рабочий боролся, учился побеждать и побеждал.

На этом значении революционной песни неоднократно останавливается в своих воспоминаниях руководитель морозовской стачки 1885 г. П. А. Моисеенко. Самое свое „пробуждение ст старого религиозного мировоззрения к новой жизни“ Моисеенко ставит в неразрывную связь с чтением нелегальных брошюр, среди которых он называет и „Революционный песенник“².

Испытав на самом себе могучее воздействие песни, ткач-революционер, вместе с другими товарищами, при всяком удобном случае прибегает к поэзии, как к одному из самых надежных средств пропаганды. „В это время (1877 г. — П. С.)“, рассказывает, например, он, „я перекочевал на Обводный канал, на Ново-Бумагопрядильную фабрику (в Петербурге. — П. С.). Здесь поле для пропаганды было шире, и мы это использовали. Завели хор и бuben с плясунами. Один из товарищей, „Алешка Рыжий“ (так мы его прозвали), прекрасно выполнял роль бесноватого из сказки „О четырех братьях“. Ставили революционные песни: „Долго нас помещики душили“ и „Оводушка“, напев „Лучинушки“. Эффект был поразительный. Всех нас воодушевляла революционная песнь. Несмотря на усталость, мы за-

¹ Подробнее об этом см. в наших работах: „О песенном репертуаре современной фабрики“. „Ученые записки“ Института языка и литературы РАН ИОН, т. II, М., 1927, стр. 42—43. — „Образ фабрично-заводского рабочего песенном фольклоре XIX в.“. „Литература и марксизм“, 1930 г., кн. II, стр. 74—77. — „Русский фольклор“. Изд. заочных курсов по литературоведению при Институте ЛИЯ Комкадемии, лекция II, стр. 13—14.

² П. А. Моисеенко. Воспоминания... 1873—1923. Изд. „Красная новь“, М., 1924, стр. 8.

бывали все... Иногда мы пели в трактире по приглашению¹.

В другом месте Моисеенко записывает: „...Сильное впечатление на рабочих производило стихотворение по поводу убийства Мезенцева², а также летучие листки и чтение легальных и нелегальных брошюр“³.

В самые тяжелые минуты жизни, в тюрьме, в ссылке боевая песня являлась для Моисеенки, как, несомненно, и для других революционеров, источником, откуда черпались новые силы для борьбы с капиталистическим гнетом. Рассказывая о своем пути в восточную Сибирь, куда он был отправлен в 1880 г. в ссылку, Моисеенко приводит следующий эпизод: „Наша баржа отчалила (от Нижнего-Новгорода. — П. С.). Ночью мы все спали врасляжку, не стесняясь друг друга, как это было в вагоне. Проснулись, когда баржа была уже за Макарьем; пока умывались, прихорашивались, на палубе натянули брезент. Солнце уже было высоко. Началось чаепитие; кто-то запел: „Волга, Волга, весной многоводной ты не так заливаешь поля...“ Подхватили другие и понеслись по Волге чудные, чарующие звуки... Хор организовался великолепный, обстановка была на редкость соответствующая: раздолье Волги, ее берега — все звало к поэзии. Все высыпали на палубу, вплоть до ротмистра и инспектора сибирских этапов, послушать — стояли, как зачарованные. Не чувствовалось что мы в арестантской барже, а казалось, где-то далеко, „там за далью непогоды есть блаженная страна“. У всех было приподнятое настроение: загорелось желание жить и умереть за други своя. Недаром у Некрасова есть в поэме „Пир на весь мир“ слова Гриши: „от хорошей песни дух поднимается“. — Да, действительно, у всех приподнят дух“...⁴.

Нередко Моисеенко думает словами песни, нередко в своих речах он цитирует известные ему поэтические памятники. Во время стачки на Ново-Бумагопрядильной фабрике, при попытке рабочих подать прошение наследнику (будущему императору Александру III), Моисеенко был арестован и

¹ Там же, стр. 14. (Подчеркнуто нами. — П. С.). В наст. сборн. см. № 24

² Генерал Мезенцев, шеф жандармов, был убит 4 августа 1878 г. С. Кравчинским (Степняком). — П. С.

³ Там же, стр. 25.

⁴ Там же, стр. 44 — 45. (Подчеркнуто нами. — П. С.).

⁵ Там же, стр. 19.

посажен „в пожарном отделении, внизу, во дворе. Окна выходили на Невский...“⁵. „Сижу“, рассказывает он, „и думаю, что-то будет, наверное теперь отправят в тюрьму. Невольно приходят мне на ум слова из „Песни про долю“: за прошение мужиков его милости плательщик сподобился кандалов. Задолго до ареста мы знали, что чаши этой нам не миновать. Каждый сознавал, что это неизбежно и будет продолжаться до тех пор, пока рабочие не завоюют своих прав. Вспомнилось: „хоть и погибнуть придется в тюрьмах и шахтах сырых—дело всегда отзовется на поколениях живых“...“¹.

В 1885 г., рисуя перед рабочими картину капиталистической эксплуатации, Моисеенко так заканчивает свою речь: „Все это я вам говорю для того, чтобы вы взялись за ум хорошенько, подумали о своем житье-бытье, помнили мои слова: „Ты работай, как хошь, от нужды не уйдешь, а как век доживешь, как собака помрешь“. „Что за лютый злодей, за лихой чародей наши деньги берет, кровь мужицкую пьет. Эх, не лютый злодей, не лихой чародей наши деньги берет, кровь мужицкую пьет. А толстопузый купец, да царь белый-отец разорили в конец“. Да, вот кто истинные виновники всей нашей жизни“².

Моисеенко пробует и свои силы в поэзии³. „Ткачи“, написанные им вместе со Штрипаном, пользовались в песенном исполнении большой популярностью среди рабочих и политических ссыльных.

Для конца девятидесятых годов прошлого столетия ту же революционизирующую роль песни среди рабочих отмечает и С. Канатчиков. Он, например, вспоминает о токаре Сергее Петровиче, песни и декламация которого производили огромное впечатление не только на молодежь, но и на более отсталых пожилых рабочих московского машиностроительного завода Густава Листа.

„Подвижная, комичная физиономия, гибкая маленькая фигурка Сергея Петровича уже при одном взгляде на него невольно настраивала на веселый лад.

¹ Там же, стр. 19. (Подчеркнуто нами.—П. С.).

² Там же, стр. 82. (Подчеркнуто нами.—П. С.). В наст. сборн. см. № 13

³ В нашем сборнике №№ 15 и 16.—П. С.

Богатый пьет шампанское,
А бедняк, наоборот,—водичкой пробавляется.

Часто любил он декламировать. Его маленькая фигурка, изображая довольство богатого, изгибалась в дугу, животом вперед, щеки надувались, а тоненькие тараканьи усики топорщились вверх.

Богач в коляске раз'езжает,
А бедняк, наоборот,—пешком сторонкою шагает.
Богач сигары покупает,
А бедняк, наоборот,—окурки подбирает.

Глядя на его фигуру, жестикуляцию, подвижную физиономию, даже самые суровые люди приходили в веселое настроение...¹

Своим выступлениям в мастерской Сергей Петрович придал организованный характер: он „образовал в своем уголку комический „хор“ из Ивана Федотовича (токарь — П. С.), ученика Егорки и себя самого... К празднику пасхи его „хор“ торжественно распевал пасхальные песнопения в роде:

На божественной страже
На втором этаже,
На верхнем окошке
Дрались три кошки.
Брысь! Брысь! Не дерись...

Или:

Святися, святися,
Пирог испекися.

Как это ни странно, но это „кошунственное“ песнопение „хора“ Сергея Петровича снисходительно выслушивалось даже набожными старичками: уж больно много было в нем веселья и комизма. А молодежь была буквально в восторге от него“².

Смысл выступлений Сергея Петровича заключался, конечно, не в их комической оболочке. „Мне казалось“, вспоминает Канатчиков, „что шутовство и кривляние Сергея Петровича являются лишь только маской и за ними скрывается нечто более серьезное и важное. Я чувствовал разницу, например, между шутовством Ивана сверловщика и Сергея Петровича. А в чем была эта разница, логически я не мог постигнуть. Впоследствии, когда я уже сделался вполне сознательным, для меня было очевидно, что шутовство Ивана было простым озорством, а шутовство Сергея Петровича было с „направлением“³. От того же Сергея Петровича автор

¹ С. Канатчиков. — Из истории моего бытия. ЗИФ, М. А., 1930 стр. 40.

² Там же, стр. 40, 41.

³ Там же, стр. 41.

цитируемой книги „впервые услышал несколько нелегальных песенок, которые быстро из уст в уста передавались по всему заводу...“¹. Некоторые из таких песен, распространенных среди московских и питерских рабочих, Канатчиков и приводит в своих воспоминаниях².

„Подобно тому“, говорит Гайсинович, „как биография отдельного человека накладывает на него большие отпечатки, точно так же биография класса, условия, в которых он рос и развивался, — оставляют ощутительные следы, дающие себя знать на каждом шагу. Пролетариат СССР — един, но среди различных его отрядов наблюдается неодинаковость состава, разный идеологический уровень. Рабочий Урала не во всем похож на ленинградского пролетария; иваново-вознесенский текстильщик не совсем то же, что донецкий шахтер. Помимо специфического характера отраслей промышленности, различия в единой, в целой среде пролетариата объясняются различиями в исторических условиях формирования тех или иных отрядов рабочего класса. Мы не поймем ленинградского металлиста, донецкого горняка, московского текстильщика, если не будем знать, хотя бы в самых общих чертах, их истории“³.

Из тех же установок нужно исходить и при определении воспитательного значения революционной поэзии фабрично-заводских рабочих дооктябрьской эпохи. Если для старых участников борьбы за освобождение рабочего класса эта поэзия является живым воспоминанием „минувшихся дней и битв, где вместе рубились они“, то для нашей молодежи, никогда не видавшей „живого полицейского“, боевые песни пролетариата представляют художественную летопись дела отцов, могущественный стимул непримиримой ненависти к угнетателям и непоколебимого стремления „новый мир построить“. Особо следует отметить значение рабочих песен борьбы и победы для тех прослоек промышленного пролетариата, которые, в силу своей отсталости и связей с частной собственностью, не совсем еще освободились от переживаний дореволюционного времени. „Рабочий, став передовым вождем бедноты, не стал святым. Он вел вперед народ, но он и заразился болезнями мелко-буржуазного развала. Чем меньше бы-

¹ Там же, стр. 41.

² В наст. сборн. см. №№ 13 и 14.

³ Цит. соч., стр. 3—4.

вало отрядов из наилучше организованных, из наиболее сознательных, из наиболее дисциплинированных и твердых рабочих, тем чаще разлагались эти отряды, тем чаще бывали случаи победы мелко-собственнической стихии прошлого над пролетарско-коммунистической сознательностью будущего¹. Именно этой „заразой“ и объясняется то обстоятельство, что до сих пор устно-поэтический репертуар рабочих продолжает оставаться засоренным классово-чуждыми произведениями, в частности „жестокими“ мещанскими романсами и песнями преступного мира („блатá“).

А. П. Чапыгин приводит следующую песню, которую, задолго до Октябрьской революции (в 1883 г.), распевают в веселой питерской компании кровельщик Мишка, дворники и горничные:

Вдоль по Литейной,
Да на углу Бассейной
Стоят красотки на крыльце.
Как будто вышли из больницы—
Румянца нету на лице.

Они меня зовут,
Они меня манят—
Пожалуйте, пожалуйста,
Пожалуйте, купец!

Завернув за эти ширмы,
Хорошо я ночь провел.
Без тулупа, без калошей
Я домой пошел.
Они меня пинать,
Они меня ругать—
Проваливай, проваливай,
Проваливай, купец!

„Эту песню“, прибавляет Чапыгин, „я потом много раз слышал, работая по мастерским“².

Много воды утекло с тех пор, когда рабочие по мастерским и фабрично-заводским предприятиям распевали эту мещанскую дребедень с налетом элементов блатной поэзии. Рабочий класс нашей страны завоевал экономическую гегемонию и политическую власть; с этим завоеванием связана и полная победа пролетариата на идеологическом фронте, в частности—в области художественной литературы и фольклора. Но и до сих пор еще не изжиты в песенном обиходе

¹ В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 1-е, т. XV, стр. 278.

² А. Чапыгин. Жизнь моя. Изд. 2-е. ВОКП. ГИХЛ, Л.—М., 1931, стр. 147—148.

фабрично-заводских рабочих „жестокие“ романсы („Моряк“, „С прелестной девой чернобровой прощался мальчик молодой“, „Я девушка фабричная“, „Валечка“, „Склони головку молодую ко мне на правое плечо“, „Распрекрасная погода, я домой аллеей шла“, „Бедная девица, горем убитая“ и др.) и поэтическая продукция блатной среды („В воскресенье мать-старушка к воротам тюрьмы пришла“, „Горит костер дрожащим светом“, „Далеко на чужбине громко пел соловей“, песня о Ромашке и Чесноке, „Проститутка“—„Сегодня решила покончить с собой“ и т. п.)¹. Больше того, влияние мотивов и образов этого классово-чуждого пролетариату фольклора сказывается иногда и в творчестве начинающих рабочих поэтов. Таково, например, „стихотворение ученика Горпромуча“, где в своеобразном сочетании переплетаются характерные черты мещанского „жестокоего“ романа и блатной песни:

Ветер бушует на море,
волны катят на восток.
Я очень рад встречать тебя
в дубровах радостных, зеленых.
Как обнимала ты меня,
окутав поцелуем губ холодных.
И ночь прошла, а мы стоим
в объятьях радостных и сильных,
и, поцелуев сильных звон
из уст моих лились капризных,
Вдруг в сердце закипело у меня,
я выхватил кинжал мгновенно,—
и кровь на белой кофте у тебя
лилась струею незаметной.
И понял я, что сделал тут.
И слезы, горькие ограды,
лилась на беду мою грудь,
С слезами на глазах просил пощады!
(Отрывок из моей повести „Жизнь“) ².

„Начав коммунистическую революцию“, писал в 1918 г. В. И. Ленин, „рабочий класс не может одним ударом сбросить с себя слабости и пороки, унаследованные от общества помещиков и капиталистов, от общества эксплуататоров и мироедов, от общества грязной корысти и личной наживы немногих, при нищете многих. Но рабочий класс может победить—и, на верное, неминуемо победит, в конце

¹ См. нашу статью „Призыв ударников в литературу и рабочая песня“. — „Наступление“, 1931 г., июль—август, стр. 66—69.

² Л. Байкова. „Лирика“ в Донбассе. „На литературном посту“, 1931 г. № 29, стр. 40.

к о н ц о в — старый мир, его пороки и его слабости, если против врага будут выдвигаемы новые и новые, все более многочисленные, все более просвещенные опытом, все более закаленные на трудностях борьбы отряды рабочих“¹.

Резолюция XVII всесоюзной партконференции по докладам тт. Молотова и Куйбышева отмечает, что „важнейшим итогом социалистического строительства первой пятилетки является окончательный подрыв корней капитализма в деревне, предрешающий полную ликвидацию капиталистических элементов и полное уничтожение классов. Завершение построения фундамента социализма в СССР означает, что ленинский вопрос „кто—кого“ решен против капитализма в пользу социализма полностью и бесповоротно и в городе и в деревне“². Конференция также констатирует, что все эти и другие достижения „являются результатом колоссального роста революционной активности широчайших масс рабочего класса и трудящихся крестьян, результатом громадного подема социалистического соревнования и ударничества, наконец, результатом ленинской политики нашей партии, последовательно проводившей развернутое по всему фронту наступление на капиталистические элементы“³.

Но снимают ли эти грандиозные завоевания рабочего класса и его партии вопрос о классовой бдительности, о борьбе со „старым миром, его пороками и слабостями“? И на это XVII всесоюзная партконференция дает исчерпывающий ответ, указывая, „что и в дальнейшем еще неизбежно обострение классовой борьбы в отдельные моменты и особенно в отдельных районах и на отдельных участках социалистической стройки, что вместе с тем подчеркивает неизбежность сохранения, а в некоторых случаях и усиления буржуазных влияний на отдельные слои и группы трудящихся, неизбежность еще в течение длительного времени проникновения чуждых пролетариату классовых влияний в среду рабочих и даже в партию...“⁴.

В своем докладе на XVII съезде ВКП(б) вожьд партии и мирового пролетариата тов. Сталин следующими словами подчеркнул необходимость большевистской бдительности по

¹ В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 1-е, т. XV, стр. 278. (Подчеркнуто автором.—П. С.).

² „Правда“, 5 февраля 1932 г., № 35 (5200).

³ Там же.

⁴ Там же. (Подчеркнуто нами.—П. С.).

отношению к пережиткам капитализма в нашей стране: „XVII конференция нашей партии сказала, что одна из основных политических задач при осуществлении второй пятилетки состоит „в преодолении пережитков капитализма в экономике и сознании людей“. Это совершенно правильная мысль. Но можно ли сказать, что мы уже преодолели все пережитки капитализма в экономике? Нет, нельзя этого сказать. Тем более нельзя сказать, что мы преодолели пережитки капитализма в сознании людей. Нельзя этого сказать не только потому, что сознание людей в его развитии отстает от их экономического положения, но и потому, что все еще существует капиталистическое окружение, которое старается оживлять и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей в СССР и против которого мы, большевики — должны все время держать порох сухим“¹.

Совершенно очевидно, что во второй пятилетке не будет изжито и проникновение классово-чуждых пролетариату элементов в фольклор фабрично-заводских рабочих. Отсюда перед марксистско-ленинской фольклористикой выступает необходимость борьбы против засорения устно-поэтического репертуара рабочих классово-чуждой продукцией, борьбы за создание новых произведений фольклора для фабрик и заводов. Отсюда же становится понятной и роль изучения и конкретного показа произведений пролетарского фольклора дооктябрьской эпохи.

Но существовал ли такой фольклор?

Этот вопрос может показаться по меньшей мере странным. И тем не менее в методологическом плане его приходится ставить и разрешать.

В современной западно-европейской науке, да и у некоторых наших литературоведов и фольклористов отчетливо выступает тенденция к ограничению творческих сил и возможностей „народа“, т. е. широких трудящихся масс и в первую очередь крестьянства. В этом отношении особенно типичную фигуру представляет известный немецкий ученый Ганс Науман (Hans Naumann).

Этот исследователь „устанавливает закон постоянной диффузии между культурными достижениями образованных классов общества, в том числе произведениями литературы, и

¹ И. Сталин. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). Партиздат, М.—Л., 1934, стр. 44.

безличным народным творчеством. Он указывает на то, что народная драма и песня заключают в себе многочисленные элементы индивидуалистической культуры высших слоев общества, и что народная песня XX в. в Европе есть не что иное, как деформированный романс XVIII и начала XIX в., подобно тому, как народные песни XIV—XVI в. являются видоизменением рыцарской поэзии средневековья¹.

Мы вовсе не собираемся оспаривать самого факта заимствования крестьянством и фабрично-заводскими рабочими поэтических произведений других классовых групп: устные переделки книжных памятников занимали и сейчас занимают видное место в поэтическом репертуаре пролетариата и крестьян. Вопрос заключается в том, как представлять и объяснять эту „диффузию“.

На самом деле понятие „диффузии“ у Наумана существует только для красного словца, а по существу все сводится к одностороннему воздействию господствующих классов на классы угнетенные. Иначе что бы могли означать разделяемые Науманом такие „научные положения современного народоведения“, как „народ не производит, он воспроизводит“, „народ бывает постоянно отсталым, он питается остатками, которые падают со столов духовных богачей“? ² О том же говорит и категорический вывод, к которому приходит немецкий профессор в результате своих „научных“ домыслов: „Народная одежда, народная книга, народная песня, народная драма, крестьянская мебель и т. д. являются спустившимися сверху вниз культурными благами, вплоть до малейших деталей... Другими словами: народное достояние создается в верхнем слое...“³.

Таким образом, никакого „народного“ творчества нет и в помине: все чужое, все заимствованное, взятое напрокат у более культурных „благодетелей“.

Методологические предпосылки, более или менее близкие ко взглядам Наумана, мы наблюдаем и в русской науке

¹ Е. Г. Кагаров. Что такое фольклор.— „Художественный фольклор“, IV—V, М., 1929, стр. 7.

² „Das Volk produziert nicht, es reproduziert“; „das Volk ist stets rückständig, es nährt sich von den Überbleibseln, die von den Tischen der geistig Reichen fallen...“ (Hans Naumann, Grundzüge der deutschen Volkskunde 2. Auflage, Leipzig, 1929, SS. 10—11).

³ „Volkstracht, Volksbuch, Volkslied, Volksschauspiel, Bauernmöbel usw. sind gesunken in die kleinsten Einzelheiten hinein... Mit anderen Worten: Volksgut wird in der Oberschicht gemacht...“ (o. c., S. 11).

о фольклоре и литературе. Некоторые русские ученые, стыдливо прикрывая буржуазную природу своих методологических позиций вуалью „марксистских“ фраз, с надеждой обращают взоры на западно-европейскую науку. Таков проф. Ю. М. Соколов, отношение которого к концепции Наумана (по крайней мере, в недавнем прошлом) лучше всего можно определить известной пословицей: „И хочется и колется“...

Ратуя за „социологическое изучение фольклора“, Ю. М. Соколов отдает „должное“ заслугам Наумана в этом отношении. „...В Западной Европе“, пишет он, „именно в ... Германии, в настоящее время наблюдается течение, завоевывающее себе постепенно, правда, с боями, видное место в фольклористике и этнографии. Это течение хотя и окрашено в другие, нам чуждые цвета, как будто связанное с некоторыми тенденциями эстетического аристократизма, в существе своем имеет ряд черт, весьма знаменательных. В конечном счете эти особенности нового течения обусловлены тоже „классовой борьбой“, обострившейся за последние десятилетия. Исходя из других побуждений, чем русские фольклористы, немецкие ученые также заостряют проблему о социальной природе так называемых „народного“ искусства, „народного“ быта, „народного“ творчества. Наиболее яркое выражение это течение нашло себе в трудах весьма даровитого и оригинального немецкого ученого Ганса Наумана. Проф. Науман с большой успешностью и яркостью раскрывает, как на ряду с пережитками элементов примитивной культуры в быту и творчестве широкой народной массы наблюдается то, что можно назвать „gesunkenes Kulturgut“. Огромное большинство народных песен, рассказов, обычаев и обрядов является лишь переработкой культурного богатства, заимствованного из вышестоящих в экономическом и культурном отношениях социальных слоев“...¹.

Приведенная цитата, как нетрудно заметить, очень показательна для характера словесной эквилибристики русского ученого, сидящего между двух стульев. По его мнению, немецкие ученые „заостряют проблему о социальной природе“

¹ Ю. М. Соколов. О социологическом изучении фольклора. „Литература и марксизм“, 1928 г., кн. II, стр. 37. (Подчеркнуто нами. — П. С.).

всего „народного“, в чем бы последнее ни выражалось. С другой стороны, высказывания этих ученых, по словам того же Ю. М. Соколова, окрашены „в другие, нам чуждые цвета“ и в то же время „в существе своем“ имеют что-то ценное, „знаменательное“. В конечном счете немецкие ученые, „исходя из других побуждений, чем русские фольклористы“, приходят в своих исследованиях как-будто к тем же результатам, что и русские ученые. Если Ю. М. Соколов говорит о буржуазной социологии и о русских ученых типа самого Соколова, то все становится ясным и понятным. Тогда не вызывает никакого вопроса и то обстоятельство, что выражение „классовая борьба“ поставлено Ю. М. Соколовым в кавычках и что у автора, ратующего за „социологическое“ изучение фольклора, нет никакой попытки прикрепить хотя бы теорию Ганса Наумана к определенной классовой почве и объяснить эту теорию, как орудие в руках определенной классовой группы. Но для фольклориста, стоящего на позициях марксистско-ленинской методологии, совершенно неприемлемо отождествление его научных задач с задачами буржуазной науки; недопустимо и положение, что научное течение, окрашенное „в другие, нам чуждые цвета“, т. е. классово-враждебное пролетариату, может привести к выводам, идентичным с достижениями марксистско-ленинской фольклористики. В частности, никак нельзя согласиться с выводами Наумана о творческом бессилии трудящихся масс.

„Пусть в категорических утверждениях Наумана“, продолжает проф. Соколов, „много потребует уточнения и уточнения; пусть, действительно, он недостаточное внимание уделяет моменту творческой переработки того, что усвоено низшими слоями от высших, важно то, что центр внимания фольклористики перемещается к вопросам остро-социального порядка. Это ли не приближение фольклористики к социологии? И прав Науман, когда именно в этом построении вопросов социологического порядка он видит отличительные черты новой „современной фольклористики и этнографии...“¹

Протопоп Аввакум, один из вождей старообрядчества XVII в., жалуясь на порчу новых церковных книг, в следующих словах передает наказ, данный будто бы патриархом Никоном Арсению Греку: „Печатай, Арсен, книги как-ни-

¹ Там же, стр. 38. (Подчеркнуто автором. — П. С.).

будь, лишь бы не по-старому"¹. Мысль Ю. М. Соколова можно было бы выразить в такой формуле, напоминающей собою изречение Аввакума: „Была бы только социология, а какая — не важно“. А что же важно? — „Важно то“, спешит разъяснить Соколов, „что из каких бы отправных точек зрения современные исследователи ни исходили, они, как я уже сказал, вплотную подходят к постановке и разрешению социологических проблем и вместе с тем устанавливают более тесную связь изучаемого ими материала с окружающей общественной жизнью и практическими вопросами современности..² Для автора неважна „отправная точка“ исследования, т. е. методологические предпосылки. Но, ведь, совершенно очевидно, что при различных „отправных точках“ и установление „тесной связи изучаемого... материала с окружающей общественной жизнью и практическими вопросами современности“ будет очень различно. Например, едва ли Ю. М. Соколов возьмет на себя смелость утверждать, что методологические позиции Ганса Наумана, являющиеся отражением творческого и научного бессилия зашедшей в тупик западно-европейской буржуазии, могут содействовать разрешению грандиозных задач, осуществляемому в стране строящегося социализма.

Как было уже отмечено, факта заимствования литературной продукции других общественных классов в устно-поэтическом репертуаре крестьян и фабрично-заводских рабочих отрицать нельзя. Но здесь, прежде всего, следует указать и на обратное — на использование господствующими классами поэтических памятников, созданных представителями классов угнетенных. Для примера достаточно сослаться хотя бы на роль крестьянской устной поэзии в творчестве дворянских художников первой трети XIX в. (Пушкин, Лермонтов, Дельвиг, Мерзляков и др.)³.

С другой стороны, рабочие и крестьяне заимствовали у писателей других классовых групп далеко не всякий поэтический материал, а заимствованное иноклассовое произведе-

¹ „Автобиография протопопа Аввакума“. — „Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихоновым“, т. III, М., 1861, отд. II, стр. 162.

² „О социологическом изучении фольклора“, стр. 39.

³ См. огромный материал по этому вопросу, собранный в книге Николая Трубицына „О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века“. Спб., 1912.

ние никогда не оставалось без изменений. В таких случаях всегда налицо момент классового отбора и классовой переделки. Особенно большим изменениям подвергались произведения книжной поэзии, образы и настроения которых были чужды крестьянину или рабочему. Нередко от таких произведений в устных переделках оставался один тематический костяк, а развитие сюжета и психологическое наполнение образов приобретали совсем иной смысл¹. Наоборот, художественная продукция пролетарского поэта и в устном обиходе рабочих устойчиво сохраняла авторский текст, если не считать кое-каких незначительных изменений чисто текстуального характера². Кроме того, в вопросе о заимствованиях необходимо встать на историческую точку зрения: по мере того как, например, ближайшим образом интересующий нас пролетариат выкристаллизовывался в класс *fürs ich*, он выдвигал все более мощные отряды на фронте художественной литературы, получая таким образом источник, из которого он черпал материал для своего устно-поэтического обихода, и эмансипируясь от литературных влияний чуждых ему классов.

Наконец, наличие в устно-поэтическом репертуаре рабочих и крестьян произведений, заимствованных у художников других классовых групп, вовсе еще не говорит об их собственном творческом бессилии, об отсутствии крестьянских и пролетарских произведений словесного искусства. В частности, история пролетарской поэзии далеко не ограничивается пооктябрьской эпохой. К сожалению, при полной неизученности вопросов, связанных с судьбами поэзии рабочего класса в прошлом, мы не располагаем материалами, которые относились бы ко времени более раннему, чем первая половина XIX в. Но с тридцатых годов этого столетия мы уже можем более или менее систематически проследить основные этапы в развитии поэзии фабрично-заводских рабочих, при чем, чем ближе мы будем к концу века, тем наши выводы будут полнее и разностороннее.

¹ Ср., например, пушкинский текст „Узника“ и устные переделки этого стихотворения, приведенные Н. Н. Дурново в его статье „Узник“ Пушкина в народной переделке“. („Пушкинский сборник“. Под ред. проф. А. И. Кирпичникова. М., 1900, стр. 237—254).

² Ср. „Проводы“ Демьяна Бедного в авторском тексте и песенном исполнении рабочих.— П. С.

Изучение фольклорного репертуара фабрично-заводских рабочих наших дней показывает, что в этом репертуаре отсутствуют такие жанры, как сказка и легенда. Есть полное основание думать, что и в первой половине XIX в. эти жанры не имели сколько-нибудь значительного распространения среди рабочих, по крайней мере, они отсутствуют в сохранившихся до нас материалах, характеризующих фольклор фабрично-заводского населения того времени. Правда, последнее обстоятельство можно было бы объяснить ничтожным количеством записей произведений пролетарской устной поэзии, о чем мы уже упоминали в начале статьи. Но если принять во внимание то обстоятельство, что уже в крепостное время рабочий по своему умственному развитию стоял значительно выше крестьянина, нужно будет признать по меньшей мере очень ограниченную роль сказки и легенды, этих типичных жанров крестьянского фольклора, в устно-поэтическом обиходе фабрики. „Несмотря на то, что крепостной порядок одинаково пригнетал и уравнивал все трудовое население, фабрично-заводская работа уже тогда не могла из общей массы не выделять рабочих, как поставленных в особые социальные условия. Сама фабричная работа, даже ручная, и даже в крепостных условиях, давала больше пищи для ума, чем земледелие, и должна была поднять умственно рабочих над массой крепостного крестьянства...“¹

Мистическая легенда на фабрике не находила для себя подходящей почвы. Рабочий постепенно утрачивал интерес к фантастическим вымыслам, и чем больше освобождался он от „власти земли“, тем менее чувствительным становился к воздействиям легендарной мистики. В 1818 г. „Дух Журналов“, сетуя о потере рабочими „богобоязненности“, совершенно справедливо объяснял это обстоятельство условиями фабрично-заводского производства. „Будучи ежечасно окружен машинами, видя всегда одинаковое движение и от сего одинаковое действие, он (рабочий.—П. С.) приучается видеть и во всем бытии своем только машину. Ничто не возвышает ум его к промыслу божью; ничто не возбуждает сердца его к благочестию, к молитве, к упованию на бога. Он ничего не ожидает от бога, а всего от машины; и ежели бы господь не нагонял на него болезней, то он едва ли когда вспомнил о боге...“² Любопытно, что свидетельства об индифферент-

¹ Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. I, изд. 4-е, М., 1926, стр. 67.

² Там же, стр. 68.

ном и даже прямо насмешливо-отрицательном отношении „рабочих людей“ к явлениям религиозно-мистического характера идут уже от XVIII века. „В 1760 г. февраля 23 дня смотрители благочиния Замоскворецкого сорока, священники: Ризположенский, Семен Филиппов и Екатерининский на Ордынке, Семен Саввин донесли консистории, что „усмотрено ими в том сороке, в приходе Николая чудотворца, что в Берсеневке, близ самого большого суконного двора, на сырной неделе, сделана была гора того суконного двора рабочими людьми вниз на Москву реку, которая убрана была елками и на той горе из тех рабочих людей многие были наряжены в разные бесовские одеяния и чудовища. И между теми наряженными людьми один был рабочий человек, в посмеяние и поругание священного чина, одет в монашескую одежду, имея в правой руке посох, а в левой вместо четок моржевый ремень, который скакал и плясал и ремнем оным народ с показанной горы гонял, что весьма безобразно и поносителю чину священному и монашескому. А содержатели оных рабочих людей и командующие гг. офицеры, оное видев богомерзкое дело, не пресекали“¹.

К концу XIX в. передовые отряды рабочих окончательно утрачивают веру в религиозные чудеса и выявляют в своем поэтическом творчестве вполне реальные корни церковного мира, как это можно видеть хотя бы из „Фабричной камаринской“, принадлежащей перу какого-то дореволюционного „рабкора“ и получившей в свое время широкое распространение в песенном обиходе орехово-зуевских рабочих².

То же самое следует заметить и относительно сказки. Современный рабочий не рассказывает сказок не только фантастических, но и реально-бытовых, рисующих в прямом выражении те или иные моменты классовой борьбы: некоторая „фантастическая“ утрировка комбинаций, в которых сказка представляет слушателю поведение своих персонажей и отношения между последними, делает этот вид устной поэзии чуждым рабочему наших дней. Самые формальные особенности сказки и способ ее передачи не находят себе применения в жизни фабрики. В дореволюционной деревне время вынужденного досуга, в особенности длинные зимние вечера, крестьянин коротал, между прочим, за слушанием занимательной сказки, которая, усложняя и повторяя по несколь-

¹ Ф. В. Ливанов. Раскольники и острожники, т. III. СПб., 1872, стр. 485—486.

² В нашем сборнике см. № 21.

ку раз подвиги героя, нанизывая событие на событие, осложняя сюжет все новыми и новыми мотивами и деталями, могла тянуться до бесконечности. Фабрично-заводские рабочие, будни которых наполнены трудовым пафосом социалистического строительства, не имеют такого праздного досуга, а свободное от работы время посвящают культурным запросам иного порядка (чтение книг и газет, лекция, собрание, театр, клуб и пр.).

Кстати следует сказать, что и в крестьянстве, в связи с переходом к социалистическим формам сельского хозяйства, распространение сказки сильно идет на убыль; об этом можно судить по результатам последних фольклорных экспедиций и наблюдениям отдельных собирателей. „...Устные жанры вымирают; обреченным жанром является и сказка. Но вопрос в том, каковы пути этого вымирания, каковы, вообще, пути развития и отмирания того или иного устного жанра“...¹

Возражая тем исследователям и собирателям произведений устной поэзии, которые считают одной из основных причин гибели сказки распространение среди крестьян грамотности, М. К. Азадовский пишет: „...Нам думается, можно установить: 1) неграмотность ни в коем случае не является обязательным условием подлинного сказительства; 2) грамотность не только не служит разрушающим фактором, болезненно вторгающимся в сферу сказительства, но 3) служит подчас новым и творческим источником последнего“². Под „новым и творческим источником“ сказочного искусства автор разумеет книжную поэзию, оплодотворяющую своим материалом устную сказку. Сам Азадовский чуть ли не единственную причину исчезновения сказки видит в переходе ее из монополии узкого круга специалистов-сказочников в широкие массы. Например, по мнению Азадовского, „современная онежская сказка представляет собой картину своего рода рассредоточения мастерства, распыления его. Сказка перестала быть достоянием только узкого круга мастеров-специалистов: она перешла в массовое пользование. Это—конечный путь жанра, следующей стадией явится полная смерть. Аналогичный процесс переживают и другие жанры, напр., причитания в Сибири“³.

Не подлежит никакому сомнению, что грамотность,

¹ М. К. Азадовский. Сказительство и книга. „Язык и литература“ т. VIII, изд. Ак. Наук СССР, Л., 1932, стр. 18.

² Там же, стр. 14.

³ Там же, стр. 19.

культурность являются весьма существенными причинами в отмирании ряда устно-поэтических жанров, в особенности сказки и легенды. Методологическая слабость постановки вопроса и аргументации М. К. Азадовского состоит в том, что исследователь имеет в виду грамотность „вообще“, вне отношения к ее качеству в историческом и классовом аспекте. Отсюда у него и основной прием доказательства, базирующийся на голой статистике: в среде лучших мастеров-сказочников „грамотность и неграмотность распределены приблизительно равномерно“¹,—следовательно, грамотность несколько не влияет на вымирание сказки. Не углубляют постановки вопроса в отмеченном нами методологическом плане и указания М. К. Азадовского на то, „что очень многие из выдающихся сказителей и не просто только грамотны, т. е. только владеют грамотой, но являются грамотными в полном смысле слова, заметно выделяющимися по своей образованности и начитанности среди своих односельчан“, что какой-нибудь Илья Макаров, „которого Н. Е. Ончуков называет „одним из лучших своих сказочников“, интересовался всем— „от открытий техники до политики включительно“, а „деревенский интеллигент“ Егор Иванович Сороковиков „знаком... и с астрономией и с географией...“²

Уже упоминавшийся нами протопоп Аввакум был для своего времени одним из самых образованных и начитанных людей. Кроме того, этот столп старообрядчества являлся, несомненно, и политическим вождем, возглавлявшим оппозиционное движение верной феодальным традициям части духовенства против создававшейся торговым капиталом подчиненной государству церкви. И тем не менее, „книжность“ Аввакума и его активная роль в политической борьбе ни в какой степени не повлияли на сказочность мирозерцания протопопы. Написанное им „Житие“ переполнено самыми фантастическими эпизодами, в роде следующего рассказа: „...Изнемсгла у меня жена гораздо и приехал к ней отец духовный; аз же из двора пошел по книгу в церковь ношью глубокою, по чему исповедаться. И егда на паперть пришел, стольник до того стоял, а егда аз пришел, бесовским действием скачет стольник на месте своем. И я, не утрашась, помоляся пред образом, осенил рукою стольник и, пришед, поставил его и перестал играть. И егда в

¹ Там же, стр. 12.

² Там же, стр. 12, 13.

трапезу вошел, тут иная бесовская игра: мертвец на лавке в трапезе в гробе стоял и бесовским действием верхняя раскрывалась доска и саван шевелиться стал, устрашая меня; аз, богу помолясь, осенил рукою мертвеца и бысть попрежнему все; ано ризы и стихари летают с места на место, устрашая меня, аз же, помолясь и поцеловав престол, рукою ризы благословил и пощупал, приступя; а оне по старому, висят, потом, книгу взяв, из церкви пошел...“¹.

Другое дело, когда мы говорим о грамотности современного рабочего, базирующейся на ленинском лозунге партийности, связанной с революционной практикой пролетариата и оплодотворенной новейшими достижениями науки и техники. Здесь уже совсем нет места для мистических откровений и сказочной чудесности. В этом и нужно видеть причину того, что хоровая песня в наши дни сделалась доминирующим видом устной поэзии фабрично-заводских рабочих.

Мы видели, что элементы особого качества психологии и умственного развития фабрично-заводских рабочих наблюдаются еще в начале XIX в. В связи с этим и пролетарский фольклор в значительной своей части представляет устную поэзию только по употреблению, а не по созданию. Тяга к книге и стремление подражать образцам книжной поэзии в собственном творчестве, создавать свои произведения не устно, а с пером или карандашом в руках—вот что характеризует поэтов-рабочих, многие произведения которых приобретали широкое распространение в устно-поэтическом обиходе наших фабрик и заводов. Интересно, что к книжным образцам обращаются наиболее развитые рабочие уже с первой половины XIX в. Так, А. А. Савич, рассказывая о тайном „Обществе вольности“ на Чермо́зском вотчинном (Лазаревском) заводе 1836 г., отмечает, что окончившие местную приходскую школу „Алексей Третьяков, Иван Васильевич Баканин и Федор Егорович Лодейщиков составили пародию на какую-то оду Державина, в которой высмеяли свирепого заводского полицеймейстера Василия Наугольных, за что в свое время были биты нещадно“². Понятно, почему ода Державина послужила рабочим только для создания пародии; но факт обращения к книжной поэзии, хотя бы и в плане от-

¹ „Автобиография“, стр. 171—172.

² А. А. Савич. Тайное „Общество вольности“ на Чермо́зском вотчинном (Лазаревском) заводе 1836 г.—„Пермский „краеведческий сборник“, вып. II, Пермь, 1926 г., стр. 43.

талкивания от чуждого пролетариату литературного стиля поместного класса, — здесь уже налицо. В дальнейшем, особенно с конца XIX в, фабрично-заводской песенный репертуар обогащается значительным количеством произведений известных и неизвестных творцов-пролетариев. Такое же видное место в устно-поэтической традиции рабочих занимают и памятники книжной поэзии вообще, почему-либо оказавшиеся созвучными идеологии рабочего. Известно, например, какое огромное значение имело творчество Некрасова в песенном репертуаре и собственных поэтических опытах рабочих¹.

На русских заводах и фабриках „господствующей формой для последних десятилетий XVIII века оставался принудительный труд. Положение резко меняется в конце XVIII и в первой половине XIX века, в эпоху разложения крепостного хозяйства“². В нашу задачу не входит выяснение причин этого нового этапа в развитии русской промышленности. Достаточно отметить, что в первой половине XIX столетия „вольный труд находит себе все более и более широкое применение. Отрасли промышленности с подневольным трудом (уральские горные заводы, вотчинная фабрика) испытывают упадок или застой в своем развитии. Производства же со свободными рабочими прогрессируют...“³. Поставщиками рабочей силы на фабрики и заводы в значительно меньшей степени были деревенские и городские кустари, разорявшиеся крупным производством, и городское мещанство; основную же массу фабрично-заводских рабочих составляли крепостные крестьяне, главным образом оброчные. Оброчных крестьян помещики неземледельческих губерний гнали в город на заработки“⁴.

Вчерашний деревенский житель, становившийся „рабочим человеком“ на фабрике, приносил с собой и крестьянскую поэзию. Но эта поэзия не оставалась без изменений на новой для нее социальной почве: рабочий уже и в крепостную эпоху, как мы видели, по своей психологии значительно отличался от крестьянина; поэтому та или иная песня, занесенная из деревни на фабрику, приобретала иной облик. Трансформацию крестьянского фольклора в этом на-

¹ См., напр., Канатчиков, цит. соч., стр. 89.

² Гай синович, цит. соч., стр. 23.

³ Там же, стр. 25—26.

⁴ Там же, стр. 29—31, 37—38.

правлении поддерживала и сама деревня, все более и более втягивавшаяся в круговорот промышленно-капиталистических отношений.

До самого последнего времени в устно-поэтическом репертуаре деревни бытовала следующая песня:

Ты забота, ты наша забота—
 Деревенская работа,
 Работа тяжела. 2
 Посылала Иванушку мать
 Да яровое поле жать:
 „Ступай, Ваня, и ты сожни!“ 2
 Вышел Ваня, Ваня на крылечко,
 Положил серпик на плечко,
 Заплакал и сам пошел. 2
 Не по той пошел Ваня дорожке:
 Не нашел своей Ваня полоски,
 Начал Ваня и чужу жать. 2
 Он и жать-то не нажал,
 Серпом ручку обрезал—
 Пошла урезвая кровь. 2
 Недалеко сударушка жала.
 Она к Ване подбежала
 Унять урезвую кровь. 2 и т. д. ¹.

У деревенского парня Вани работа не спорится из-за любовной присухи, что не ускользает и от его родителей, решающих, что „женить Ваню пора“.

Очень интересный вариант этой песни записан П. В. Киреевским в д. Воронках, бывш. Звенигородского уезда:

Обещал Ваня жить в деревне, с деревенскими мужиками,
 Он работу работать;
 Деревенская работа—одна скука и забота:
 Они мало ночи спят,
 Друг за другом торопятся, чтоб скорее с поля убраться,
 Чтобы туча не зашла, силен дождик не пошел,
 Посылает Ваню мать
 Яровое в поле жать:
 „Поди, Ванюшка, пожни!“
 Вышел Ванюшка на крылечко,
 Положил серпик на плечко,
 Сам нерадошен пошел.
 Жал Ванюшенька денечек,
 Он единый сноп нажал,
 С сударушкой простоял.
 Со этой ли Ваня со скуки
 Опорезал себе руки—

¹ Песня записана нами в д. Логиново, Орехово-Зуевского района, Московской области, в 1926 г.—П. С.

Ручьем кровь полила.
Сударушка подбежала,
Платком руку увязала,
Чтоб кровь не лила.
Отец с матерью бранятся,
Все работнички сердятся,
Что лениво Ваня жнет.
Отец с матерью взглянули
И руками размахнули,
Кричат: „Ваня, домой!
Поди, Ванюшка, домой, поди, миленький, усни!“
Бежал Ваня, торопился,
За дубовый стол садился,
Оя начал перо чинить,
Очинил Ваня перо крепко,
Он стал письмо писать!
Пишет Ванюшка в Московское царство,
В Петербургское государство,
Он деревню проклинал:
„Распроклятое селенье, Воронковская деревня,
Тюрьмой можно называть“.
В Воронках Ваня родился,
А в Архангельском крестился.
Я в Москве теперь живу,
В Москве живу, поживаю,
Красных девушек не забываю
И в трактир с ними хожу ¹.

Этот вариант песни еще ничего не говорит о фабрично-заводском мире в полном смысле этого слова. Но Ваня — уже не крестьянин. Деревенская жизнь для него, привыкшего ходить на заработки в город, — тяжелая неволя, с которой „питерщика“ может помирить только крайняя необходимость. Его симпатии лежат за пределами „распроклятого селенья“, которое „тюрьмой можно называть“, — в „Московском царстве, в Петербургском государстве“. Если в первом из приведенных вариантов причиной пореза Ваней руки является волнующая его близость „сударушки“, то во втором это несчастье представляет следствие деревенской „скуки“, а „сударушка“ выступает в роли объекта для Ванина сердцедействия.

Другие крестьянские песни уже прямо говорят о фабрике и „фабричном“, хотя в стилевом отношении и не приобретают чего-либо классово нового ².

От первой половины XIX в. доходят до нас и песни,

¹ „Песни, собранные П. В. Киреевским“, новая серия, вып. II, ч. I, № 1570.

² Подробные об этом см. в нашей работе „Образ фабрично-завод. рабоч. в песен. фольклоре XIX в.“, стр. 81—86. — П. С.

представляющие несомненную поэтическую продукцию самих рабочих:

„О рабочих крепостной эпохи мы можем говорить уже как о классе „в себе“, как об отдельной общественной категории, особенность которой уже сознавалась господствующими классами, противопоставлявшими рабочих крестьянству. Это противопоставление исходило чаще всего из моральных и бытовых оценок“¹.

Такие оценки „фабришного“, обильно представленные в высказываниях крепостнического дворянства еще со второй половины XVIII в., с особой тенденциозностью подчеркивают „безнравственность“ рабочих — бесшабашный разгул, разврат и всяческие „злодеяния“². Но указания на независимость характера рабочих крепостной эпохи, на их „продерзостное“ отношение к начальству, на то, что рабочий „ничего не ожидает от бога, а всего от машины“, — эти указания, которые в сознании помещика-крепостника, конечно, тоже имели свою целью заклеймить „рабочих людей“ печатью порока, заставляют вспомнить характеристику, данную Энгельсом английским рабочим в 1844 г.: „Англичане, т. е. образованные англичане, по которым на континенте судят о национальном характере, эти англичане — самые презренные рабы в мире. Лишь неизвестная континенту часть английской нации, лишь рабочие, парии Англии, бедняки, действительно респектабельны, несмотря на всю их грубость и всю их деморализацию. От них изыдет спасение Англии; в них еще кроется пригодный для творчества материал; у них нет образования, но нет и предрассудков, у них есть еще силы для великого национального дела — у них есть еще будущее...“³.

Энгельс, не замалчивая „грубости и... деморализации“ английских рабочих первой половины XIX в., совершенно отчетливо устанавливает, что пролетариат уже и в эту эпоху не оставляет никаких сомнений в своем великом будущем, как могильщик старого общества, как „спаситель“ Англии. Нечто подобное можно сказать и о русских рабочих предреформенной поры. „...Поскольку мы остаемся в рамках крепостного права, нельзя говорить о завершенном процессе

¹ Гай си но в и ч, цит. соч., стр. 66.

² А. А. Сте п а н о в. Крестьяне-фабриканты Грачевы. „Записки историко-бытового отделения Гос. русск. музея“, т. I, Л., 1928. — Гай си но в и ч, цит. соч., стр. 67—68.

³. „Положение Англии“. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Под ред. Д. Рязанова, т. II, Госиздат, М.—Л., 1929, стр. 322.

формирования рабочего класса, ибо рабочий все еще оставался лично несвободным. Но и здесь наблюдается прогресс. Рабочий был крепостным по отношению к помещику, а перед лицом фабриканта он выступал, как вольный человек, вступающий в договорные отношения. Оставалось порвать цепь, связывающую рабочего с помещиком, нужно было падение крепостного права, чтобы вольнонаемный рабочий превратился в пролетария в полном смысле этого слова¹.

Именно поэтому русские рабочие крепостной эпохи „представляют лишь еле организованную массу, почти лишенную классовой сознательности, способную на страшные, но стихийные вспышки...“¹. Они болезненно чувствуют гнет своей беспросветной жизни. Не даром „у молодых у фабричных глаза все заплаканы“; не даром рабочие вспоминают в своей песне обещание кривого подрядчика Варокина:

Вы будете лытать, —
Мы будем о вас палки ломать;

Не даром „фабричный“, отправляющийся в родную деревню, всю дорогу „о расчете тосковал“:

Я с хозяином расчелся,
Ничего мне не пришлось!...
Из конторы вон пошел,
Кулаком слезы утер...³

Но истинные причины, классовый источник этого гнета еще не понятен „рабочему человеку“ дореформенной фабрики.

В цитированной выше работе Энгельс приводит следующее место из книги Карлейля „Past and Present“⁴, представляющее описание манчестерского восстания 1842 г. и являющееся в высшей степени ценным указанием для уяснения психологии русских рабочих первой половины XIX в.: „Миллион голодных рабочих восстали, вышли все на улицу и остановились тут. Что же было им делать? Их обиды и жалобы были горьки, невыносимы, их гнев зато справедлив; но кто те, что причинили им эти страдания, и кто те, что им честно помогут? „У нас есть враги, но мы не знаем, кто они и что они; у нас есть друзья, но мы не

¹ Гайсинович, цит. соч., стр. 39.

² Там же, стр. 40.

³ В нашем сборнике см. № № 1, 2, 5.

⁴ „Прошлое и настоящее“.

знаем, где они? Как же быть нам: напасть ли на кого-нибудь, застрелить ли кого-нибудь или самим быть застреленными? О, если бы этот проклятый невидимый оборотень, который высасывает кровь нашу и наших близких, принял один только образ, явился бы перед нами гирканским тигром, бегемотом хаоса, самим сатаной, явился бы в одном каком-нибудь образе, который мы могли бы видеть, за который мы могли бы ухватить его!"¹. „Но несчастье рабочих в летнее восстание 1842 года“, прибавляет от себя Энгельс, „в том и заключалось, что они не знали, с кем им надо бороться...“²

Еще меньше знали своего настоящего врага русские рабочие первой половины XIX в. Поэтому в их песенном фольклоре имеются только намеки на капиталистическое угнетение, так как в самой действительности, по словам В. И. Ленина, „средневековые формы эксплуатации... были прикрыты личными отношениями господина к его подданному, местного кулака и скупщика к местным крестьянам и кустарям, патриархального „скромного и бородатого миллионера“ к его „ребятам“...“³. Гнет капиталистической эксплуатации затухивался также в сознании и поэтическом творчестве полурбочего-полукрепостного крестьянина и деревенским „магнитом“,—взглядом на фабрику, как на место подсобного заработка.

С другой стороны, не следует забывать и отмеченных Энгельсом темных сторон фабрично-заводского быта, которые, конечно, еще в большей степени были присущи русским рабочим первой половины XIX столетия. Необходимо помнить что в рассматриваемую эпоху в России „огромная масса рабочих были безграмотные крестьяне, что никаких культурных учреждений (библиотек, клубов, театров, всякого рода обществ, часто даже просто книг и газет) при русских фабриках, за редкими исключениями, не существовало, что издательству мастеров над рабочими, и особенно работницами, не было конца (побои были не редкость) и что рабочему, например, в праздник оставалось идти или в церковь или в кабак“⁴.

¹ Цитир. соч., стр. 327—328. (Подчеркнуто нами.—П. С.).

² Там же, стр. 328. (Подчеркнуто нами.—П. С.).

³ В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 1-е, т. II, стр. 67. (Подчеркнуто автором.—П. С.).

⁴ В. И. Невский. Очерки по истории Российской коммунистической партии. Т. I, изд. 2, издат. „Прибой“, Л., 1925, стр. 160.

Этими условиями рабочего быта первой половины прошлого века объясняется другой круг песен фабрики, которые насыщены мотивами бесшабашного разгула, какого-то молодечества и удали, отличающих „фабричных молодцов“ от других классовых групп. Приведем здесь одну такую песню.

Течет речка по песку,
Да под самую Москву,
Да под самую Москву,
Ко фабричному двору,
К нам!
Мы фабричные ребята,
Право, мудреные,
Право, мудреные,
Принапудренные,
Мы!
Как у нас платки, салфетки,
Всё намеченные клетки,
Уж мы сукна переткали
И кафтаны перешивали,
Шили!
Нам не дороги кафтаны,
Были б денежки в кармане
У нас!
У нас денежки гремят,
Во кабаке итти велят
Нам!
Мы подходим к кабаку, —
Целовальник на боку:
Спит!
Понабрамшился мы духу,
Целовальника по уху
Раз!
Целовальника по уху:
Не люби нашу Настюху!
Два!
„За что бьете вы Павлуху?
Не любил вашу Настюху!“ —
—Врешь! ¹.

Мы не будем останавливаться на устно-поэтическом репертуаре фабрично-заводских рабочих второй половины прошлого века и дооктябрьской эпохи XIX в., так как этому вопросу посвящена, главным образом, помещаемая в настоящем сборнике статья тов. Муравьева. Отметим только, что пролетарский фольклор этого времени является наиболее актуальным с тех точек зрения, о которых мы уже говорили. „Шелест приводных ремней фабрик и заводов“, пишет один из орехо-

¹ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VI. Спб., 1900, № 558. Варианты — там же. №№ 556, 557, 559; в „Новой серии“ песен П. В. Киреевского, вып. II, ч. I, № 1489.

во-звувских поэтов-рабочих, „грохот шкивов и машин, душная атмосфера в фабричных стенах, вечное хождение со смены на смену, от завода к заводу, голод и холод, тюремные стены и рудники, каторги разбудили мысль рабочего к освобождению, и эту работу мысли пролетария ничто не в силах остановить“¹. Этим пробуждением мысли рабочего класса, ненавистью к эксплуататорам, сознанием непримиримости интересов капиталиста и пролетария в той или иной степени проникнуты и многие из печатаемых нами текстов. С каждым десятилетием, приближающим пролетариат к Октябрю, в песнях рабочих все яснее чувствуется нарастание революционной бури, все отчетливее звучит мотив борьбы и грядущей победы:

Мы путь земле укажем новый,
Владыкой мира будет труд!..

¹ С. Лукашин. Стихотворения. Изд. 2-е, Орехово-Зуево, 1918, стр. 3.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПРОЛЕТАРСКОГО УСТНО-ПОЭТИЧЕСКОГО СТИЛЯ

I

Первые известные нам песни, о которых можно сказать, что они входили в устно-поэтический репертуар рабочих, относятся к началу 19-го столетия. В среде крепостных рабочих, несомненно, в большей степени имели распространение лирические крестьянские песни, но интересно как раз то, что к этому времени относится и появление таких произведений устной поэзии, в которых отразились именно новые черты идеологии полукрестьянина-полурабочего крепостной фабрики. Резко дифференцировать эти песни от крестьянских — очень трудно, в большинстве из них мы найдем почти все элементы, характерные для крестьянского устно-поэтического стиля. Стилевая близость устной поэзии крепостного рабочего и крепостного крестьянина становится совершенно понятной, если вспомнить социальную судьбу ее носителей и творцов, которые в начале XIX в. были неразрывно связаны в своем общественном бытии. Пролетариат еще не выделился в самостоятельный общественный класс, граница между рабочим и крестьянином была во многом условной. „Сверх великого количества фабричных,“ — говорит экономист Георги в вольно-экономическом обществе в конце XVIII в., — „на фабриках работает множество поселян, которые в свободное от земледельчества время на станах ткут и поденную получают плату“¹.

Процесс обезземеливания крестьянства, насильственные переселения, непосильный оброк — все это заставляло крепостного крестьянина идти в город, чтобы иметь возможность

¹ Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России. ГИЗ Украины, 1925, ч. I, стр. 21.

выплатить оброк своему барину и поддержать свое хозяйство „За исключением небольшой части городских мещан громадную часть рабочих поставляли крестьяне“¹. В поэзии этого полукрестьянина-полурабочего отражается двойственность его социального бытия.

Такие песни, как „Вы, заводы ль мои, вы кирпичные“², „Бессчастливая девушка я на свете рождена“³, „Течет речка по песку“⁴, „Во городе городу“⁵ и другие, не выходят еще из сферы любовно-бытовых мотивов; здесь мы еще не видим образа фабрично-заводского рабочего, не встречаем присущих ему идей, но... „Завод, как новый фактор экономического развития страны, властно ворвавшийся в жизнь деревни, уже не может быть обойден молчанием и в крестьянской песне“⁶. Несчастливая девушка лирической песни влюбляется в нового героя в „удалова, фабричного, бравого Ванюшу кудрявого“. Местом действия персонажей песни становится город (в большинстве случаев „Питер“ или Москва). Новые понятия и отношения к действительности начинают складываться в сознании крестьянина, попавшего в город. Но по своей стилистической сущности эти песни еще являются крестьянскими, хотя их заунывная лирика обогащается новыми мотивами.

„Мы все поем уныло,“ — говорил Пушкин и это совершенно справедливо по отношению к песням крепостного крестьянства, устно-поэтический стиль которого конкретизировался в значительной степени в жанре лирической песни. В равной мере это относится к рабочей поэзии на ранних этапах ее развития. О заунывности крестьянской песни, как о наиболее характерном ее признаке, писали почти все исследователи крестьянского фольклора.

„Большая часть песен наших унылы — так точно, но самым не доказывается еще какая-либо особая черта нашего национального положения, как думают многие иноземцы, но

¹ М. Балабанов. Очерки, стр. 70.

² Песни, собран. П. В. Киреевским, нов. серия, вып. II, ч. I, № 1526 и варианты — в вып. II, ч. 12 № 1638; Соболевский, Великорус. нар. песни, т. VI, №№ 239 и 240; Шейн — Великорус., т. I, вып. I, № 720.

³ Нов. серия, вып. II, ч. I, № 1577 и варианты там же, вып. II, ч. II, №№ 1797 и 2261.

⁴ Соболевский, т. VI, № 556 и варианты там же: №№ 557, 558 559. Песни, собр. Киреевским. Нов. серия, вып. II, ч. 1, № 1488.

⁵ Нов. серия, вып. II, ч. I, № 1573.

⁶ П. М. Соболев. Образ фабрично-заводского рабочего в песенном фольклоре XIX в., „Литература и марксизм“, 1930 г., кн. II, стр. 82.

скорее глубокая чувствительность, без которой музыка не жила бы в народе"¹. Это — наиболее типичное объяснение особенностей крестьянской лирики.² Конечно эта заунывность ни в коей мере не является следствием ни „глубокой чувствительности и музыкальности русского народа“, как полагают одни, ни „восточными влияниями“, как полагают другие.

Стиль крестьянской песни явился отражением общественной практики крепостного крестьянства.

Будучи социально мелким изолированным одиночкой, испытывая жесточайший политический и экономический гнет дворянской империи Александра и Николая I, находясь в отвратительных культурно-бытовых условиях, крепостной крестьянин создавал свою пессимистическую, заунывную, лирическую поэзию. „Реакционные черты мелкого производителя, его забитость... завещанный от отцов и дедов сервиллизм; его привязанность к отдельному крохотному хозяйству, боязнь потерять которое вынуждает его отказаться от всякой мысли о „справедливом вознаграждении“³. Вот — социальный эквивалент его „заунывных“ песен.

Несомненно, однако, и то, что не только беспросветный пессимизм и покорность характеризовали социальное содержание крестьянской поэзии.

И в XVIII в. и к разбираемому нами периоду мы имеем ряд свидетельств того, что глубокая ненависть рабов к владельцам крепостнических латифундий находила свое выражение и в художественных памятниках (см. например „Плач холопов“, впервые опубликованный Тихонравовым Н.).

Классовая борьба закабаленного крестьянства с феодальными помещиками отразилась и в книжной литературе. Любопытна в этом отношении повесть Я. Благодарова — „Егорушка или человек сам собой довольный“, М. 1797, герой которой противопоставляет бедность и независимость „барскому житью“, в различных притчах восхваляет простую жизнь, близкую к природе. Основной мотив повести — идеализация „естественной“ жизни и труда, отрицание частной собственности, презрение и ненависть к „суетному свету“ — без сомнения перекликается с сектанскими настроениями выра-

¹ Ф. П. Лвов. „О пении в России“ СПб, 1834 стр. 31

² См. В. Пассек. „Путевые записки“, М. 1834 г., стр. 127; Трубицын „О народной поэзии в общественном и литературном обиходе I-й трети XIX в.“, СПб, 1912 г., стр. 558 — 559.

³ Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, стр. 67.

жавшими известные стороны идеологии крепостного крестьянства. (Интересный материал о крестьянской поэзии XVIII в. содержится в 9—10-й книге „Литературное наследство“, посвященной XVIII в.).

Классовые позиции первых собирателей фольклора заставляли их игнорировать произведения (несомненно имеющиеся), в которых сказались боевые мотивы революционного протеста и классовой ненависти.

Историку крестьянского фольклора предстоит проделать большую работу по выявлению подобных произведений.

Однако иллюзии о „добром хозяине“, о патриархальных отношениях, насаждавшиеся официальной идеологией, проповедывавшиеся такими псевдонародными поэтами, как, например, Суханов, Алипанов, Слепушкин и др., еще не были ликвидированы в психоидеологии крестьянина. Зачастую феодальный предрассудок перевешивал в его сознании собственный трудовой рассудок. Незрелость классовых отношений, сословность, осложнявшая и затемнявшая истинные процессы классовой борьбы — все эти конкретно-исторические причины поддерживали и укрепляли всевозможные реакционные иллюзии.

То же можно сказать и относительно „предпролетариата“ того времени. Известно, что волнения и бунты на крепостных владениях и иных фабриках и мануфактурах были нередким явлением (о массовом движении в конце XVIII и начале XIX вв. см. Семевский — „Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX вв. ч. II, стр. 585, 586; Игнатович — „Помещичьи крестьяне накануне освобождения“ соотв. главу, Иконников — „Крестьянские волнения в Киевской губернии 1826—27 гг. в связи с событиями того времени“, СПб. 1905; Ганцова-Берникова. — „Крестьянские волнения 1826 г.“ в сб. „Тайные общества в России в начале XIX ст.“ М. 1926; Нечкина — „Из истории рабочего движения эпохи декабристов“, сб. „История пролетариата СССР“ № 2; В. Бухина — „Волнение рабочих на Малоарославской фабрике „История пролетариата СССР“ № 13—14; В. Зельцер — „Из истории борьбы посессионных рабочих за свое освобождение“; „История пролетариата СССР“ № 7 и материалы по истории фабрик и заводов в этих же сборниках).

Однако нельзя не учитывать того обстоятельства, что идеологически это движение было неоформленным. Даже в начале XX в. Ленин указывал, что „подданные российского царя особенно бедны сознанием своего бесправия“ (ч. V, изд. 1-ое, стр. 31).

В произведениях рабочих, не утративших непосредствен-

ной связи с крепостной деревней, мы также можем найти наличие элементов сервизма, непонимание причин своего бедственного положения.

В этом отношении интересна песня „Вы леса ль, мои лесочки“¹.

Вы леса ль, мои лесочки, леса мои темные.
Вы кусты ль, мои кусточки, кусточки ракитовы.
Уж что ж вы, кусточки, да все призаломаны,
У молодых у фабричных глаза все заплаканы.
Как навстречу им, фабричным, Главные хозяева,
Главные хозяева Грача Скарнаухова.
Вы не плачьте-ка, молодчики, молодцы фабричные.
Я поставлю вам, ребятушки, две светлицы новые,
Ставы самолетные, основы суровые,
Нанесу я вам, ребятушки, ценушку высокую,
Ценушку высокую, салфетки по рублику“.

Средневековые формы эксплуатации, которые были „прикрыты личными отношениями... „патриархального“, скромного и бородатого миллионера“ к его „ребятам“² порождали реакционные и наивные иллюзии о „благодетеле-хозяине“, который „нанесет высокую ценушку“.

Но даже и в этой песне мы видим уже своеобразное требование „справедливого вознаграждения“; рабочий мечтает о „высокой цене“ и т. д., хотя при этом еще не дает себе отчета, почему у фабричных молодых „глаза все призаплаканы“.

Стилевое сходство этой песни с крестьянскими—несомненно, но некоторые моменты различия есть уже и здесь. Еще больше различие психоидеологии крестьянина и рабочего выступает в песне: „Я такой был красавчик сам на фабриках жывал“³.

О распространенности этой песни в начале XIX в. свидетельствует наличие многочисленных вариантов⁴. Основным мотивом этой песни является ярко выраженное отрицательное отношение к деревне, к крестьянскому труду. Отрицание это дается с точки зрения бывалого фабричного, который презрительно относится к „серым щам“ и „худым лаптям“ деревни. „Несмотря на то, что крепостной порядок одинаково пригне-

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. II, ч. I. № 1578. Песня записана самим Киреевским в 1833 г. в Московской губ.

² Ленин. Эконом. содержание народничества, собр. соч., т. II, М. 1925, стр. 67.

³ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VI, СПб, 1920 г., № 550.

⁴ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VI, СПб, 1900, №№ 550, 551, 552. Песни, собранные П. В. Киреевским, нов. сер. № 2313.

тал и уравнивал все трудовое население, фабрично-заводская работа уже тогда не могла из общей массы не выделять рабочих, как поставленных в особые социальные условия. Сама фабричная работа, даже ручная и даже в крепостных условиях, давала больше пищи для ума, чем земледелие, и должна была поднять умственно рабочих над массой крепостного крестьянства¹. Хотя и жизнь в городе далеко не сладка: („Я с хозяином расчелся, ничего мне не пришлось. Из конторы вон пошел, кулаком слезы утер“) — деревня еще хуже („Деревенская работа — только скука да забота“). Так рассуждает герой песни. И он уезжает из „распроклятой деревни“ обратно „в Питер“.

Рабочий класс все более и более эмансипируется от деревни, освобождается от „власти земли“. Наряду с рабочими крепостной дворянской фабрики к середине XIX в. образуется значительное число вольнонаемных рабочих. В 1835 г. под давлением растущего промышленного капитализма правительство издает закон, разрешающий фабрикантам переходить от кабального труда к вольнонаемному; „к началу 50-х годов дворянство смогло сохранить за собой едва 5% из общего числа фабрично-заводских заведений². Еще в 1818 г. распространенный журнал „Дух журналов“ писал с тревогой что „общества нескольких сот или тысяч мастеровых, живущих и работающих всегда вместе, не имеющих никакой собственности, питает в них дух буйства и мятежа“³.

В среде не имеющих никакой собственности вольнонаемных рабочих, создаются песни, отличные по своей психоидеологической направленности от песен крепостного крестьянства. Такие памятники рабочего устно-поэтического творчества, как „По Вижаю по реке“⁴, и ряд других, представляют собою попытки осмыслить окружающую действительность с общественной точки зрения. И по темам и по идейному наполнению они богаче крепостной лирики, знаменуя собой появление самостоятельного пролетарского устно-поэтического стиля. Наивные иллюзии о „добром хозяине“ разрушаются, рабочий начинает понимать, что он является объектом эксплуатации.

¹ М. Балабанов. Стр. 49.

² А. Ельницкий. История рабочего движения в России., М., 1923 г., стр. 16.

³ См. Балабанов. Очерки, стр. 50

⁴ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VII, СПб, 1902 г., № 332.

„По Вижаю по реке
При—на правую руке,
Тут строился завод,
Разорился весь народ...“

Интересно сопоставить роль хозяина в песне „Вы леса ль, мои лесочки“ со словами „кривого подрядчика Варокина“ в песне „По Вижаю по реке“. Речь Варокина изображена в сатирическом плане, мало характерном для крепостной лирической песни. В этой речи рабочий жестоко высмеивает все могущие возникнуть представления о хозяйской доброте.

„Уж вы робьте-ка, ребята,
Работайте, молодцы,
По полтине на неделю,
По гривняге в воскресенье.
Вы будете лытать, —
Мы будем о вас палки ломать“.

В ней уже звучат нотки протеста против завода, который разоряет крестьянство, против подрядчика, который измывается над рабочими...

Но обобщить все эти явления крепостной рабочий еще не может. Протест остается пассивным. Рабочий горько смеется над своим собственным положением, но не доходит еще до мысли, что необходимо изменить его, что это его задача. Та же горькая ирония, тот же бесформенный протест слышится и в песнях об Аракчееве. „Жизнь в военном поселении“, „Песня об Аракчееве“, „Песня о Рахчееве“¹.

Песни откликаются на злободневный в то время политический момент — организацию всесильным временщиком военных поселений. Мысль о вопиющем социальном неравенстве начинает проникать в сознание невольного жителя этих поселений, в сознание окрестных крестьян и рабочих. Эта мысль ярко выражена в песне:

„Жизнь в военном поселении
Настоящее мученье,
Только не для всех.
Поселяне голодают,
Зато власти пожидают
Очень хорош“...

¹ См. Н. А. Бродский и В. Львов-Рогачевский. Революционные мотивы русской поэзии. Л. „Колос“, 1926, стр. 14—15.

Крепостной рабочий, рабочий этих поселений, начинал понимать, что

„Аракчеев, граф Рахчеев господин,
Опивает, об'едает наше жалованье“..

что на это „трудовое жалованье“ он

„Стал заводы заводить,
Стал палаты заводить“..

Он уже начинал понемногу понимать, что деятельность Аракчеева—не местное явление, приносящее гибель только ему—жителю военных поселений.

В песне Аракчеева вкладываются слова

„Всю Россию удивлю,
Всю я чернядь разорю“..

При наличии стихийного протеста, при наличии неприкрашенного изображения тяжелого положения рабочих („По Вижаю по реке“, „Жизнь в военном поселении“) едкой иронии по отношению к власти имущим, во всех этих песнях все же нет глубокого проникновения в сущность описываемых явлений, в них мы не найдем идеи борьбы с эксплуатацией, со всем экономическим и политическим строем, со строем графов Аракчеевых и заводчиков Варокиных.

Для рабочей устной поэзии первой половины XIX в. характерным является разрозненный, лишенный руководящей идеи, протест, имеющий пассивный характер. И это понятно. Идея классовой борьбы отсутствует, потому что „только высшая стадия капитализма, крупная машинная индустрия создает материальные условия, необходимые для этой борьбы“¹.

В первой половине XIX в. рабочий класс находился в эмбриональном состоянии, он еще не сложился как класс „для себя“, — отсюда и указанные особенности его устной поэзии того времени.

II

В связи с реформами 1860 годов, происходит разрушение старой феодальной России, быстрым темпом идет развитие крупной промышленности. Пролетаризация деревни дает кадры для растущего рабочего класса. Феодальная эксплоа-

¹ Ленин. Что такое друзья народа и как они воюют с социал-демократами. Соцэкгиз 1931, стр. 189.

тация начинает заменяться „эксплуатацией европейски-развязного антрепренера, эксплуатацией безличной, голой, ничем не прикрытой и уже тем самым разрушающей нелепые иллюзии и мечтания“¹. Растет классовое самосознание пролетариата. Начинает разворачиваться революционное движение рабочего класса.

В 1875 г. из рабочих кружков организуется „Южно-русский рабочий союз“, программа которого носит следы влияния идей I Интернационала. В 1878 г. — „Северо-русский рабочий союз“, который даже пытался выпускать свою газету „Заря рабочего“. В связи с промышленным кризисом конца 70 годов растет стачечное движение на крупнейших фабриках и заводах.

Все эти крупнейшие социально-экономические сдвиги не могли не отразиться в устной поэзии.

Если в начале столетия фольклористы почти совершенно игнорировали зарождающуюся рабочую поэзию, то в 70-х, 80-х и 90-х годах мы видим совсем иное. „Поток новых слов и понятий, естественно, проникает и в народное песнотворчество, вытесняя самобытность и чистоту поэтических форм старинной песни, которая мало-по-малу совершенно забывается“², — пишет один из исследователей-фольклористов. Этот процесс „вытеснения“ старинной крестьянской песни новой фабрично-заводской отмечает и Г. Белорецкий.

„Старинную песню на уральских заводах можно услышать только где-нибудь на свадьбе, когда распевают свадебные песни, входящие в ритуал известных обрядностей, или когда разгуляются старики и затянут какую-нибудь „лучинушку“. Впрочем, свадебные обряды выходят из употребления, а старики, помнящие староскладные песни, вымирают“³. Носителями староскладной крепостной лирической песни являются рабочие, связанные еще тесно с консервативным крестьянством, не утратившие еще черт крестьянской, крепостной психоидеологии. Однако рабочие, воспитанные уже заводом, фабрикой, почти не имеют в своем репертуаре этих песен. „Обрядовая песня держится только силой народного консерватизма, а бытовая — вытесняется фабрично-заводской“, — говорит Н. Тиховский в докладе, прочитанном

¹ Ленин. Экономическое содержание народничества, стр. 67.

² В. О. Михневич. Извращение народного песнотворчества, „Исторический вестник“, 1880 г., ч. III, стр. 756.

³ Г. Белорецкий. Заводская поэзия, „Русское богатство“, 1902 г. кн. 12, стр. 38.

на IX археологическом съезде в Вильне в 1893 г.¹ Если справедливы указания на отмирание таких жанров крестьянской поэзии, как обрядовая песня, то противопоставление бытовой песни фабрично-заводской — совершенно неверно. Бытовая песня в рабочем фольклоре имела большее место; все дело в том, что она была качественно отлична от бытовой крестьянской песни.

На это указывали и убежденные ненавистники рабочей поэзии. „В новых... песнях не воспевается уже строгое семейное начало с руководящей властью отца и мужа, но проповедуются уже новые воззрения... свобода в отношении полов, ослабление родительской власти и религиозности...“² Бытовая песня крепостного крестьянина отражала феодальный семейный уклад консервативного крестьянина, с его авторитарностью, со строгой семейной иерархией. „Именно система стародворянского хозяйства, привязывавшая население к месту, раздроблявшая его на кучки подданных отдельных вотчинников, и создавала придавленность личности“³.

Капитализм, разрушивший этот порядок, разрушил и феодальные семейные отношения. „Старинные формы труда рушились с громадной быстротой и первое место заняла купля-продажа рабочей силы, отрывавшая крестьянина от патриархальной полукрепостнической семьи, от оупляющей обстановки деревни...“⁴ Новые бытовые отношения складываются в рабочей среде. „Пореформенная Россия принесла под'ем чувства личности“ (Ленин). Освободившийся от крепостных уз, попавший на фабрику крестьянин в своем художественном творчестве выражает этот под'ем чувства личности. Если в крепостной, любовной лирике изображается всегда безнадежная любовь, если персонажи устно-поэтических произведений крепостной деревни всегда жалуются на непреодолимые препятствия, вроде воли всемогущего и сурового отца или матери, то в бытовых песнях, распространявшихся в рабочей среде, мы видим совсем другие отношения и идеи.

В песнях ярко отражается разрушение патриархальных традиций, распад полуфеодальной, замкнутой семейной ячейки. Однако, если крестьянин становится рабочим, если он осво-

¹ См. К. С. Кузьминский. О современной народной песне. „Этнографическое обозрение“, 1902 г., кн. 1, стр. 92.

² Д. И. Успенский. Фабричная поэзия, „Книжки недели“ 1895 г. сентябрь, стр. 10—11.

³ Ленин. Эконом. содержание народничества, стр. 77.

⁴ Ленин. То же, стр. 77.

бождается от крепостных уз и отчасти от религии, то не надо забывать, что эта эмансипация представляет собою только замену одной формы эксплуатации другой, быть может еще более хищной и жестокой.

В бытовой песне рабочих мы видим отражение того экономического гнета, который они испытывают на фабрике, на заводе, в шахте, тех невыносимых жизненных условий, в которые они были поставлены. В этом отношении интересна песня „Что шахтерска жизнь проклята“. В песне дается образ шахтера, образ собирательный: шахтер „день и ночь работает, ровно в каторге всегда“, он не имеет возможности отдохнуть даже в праздник. Невыносимые бытовые условия гонят его из дома. В церковь он не ходит „и не знает про нее“. Остается одно место — кабак. И шахтер по праздникам напивается „до света“.

Резко отрицательное отношение к „каторжной работе“ в этой песне ослабляется тем, что в ней не показывается отношение шахтера к причинам, порождающим эту каторгу. Те малосознательные слои рабочих, выражением психоидеологии которых являлась эта песня, далеки от революционных идей; они остро чувствуют свое бедственное положение, но не могут осознать его, как следствие вполне определенных причин, и сделать из этого соответствующие революционные выводы.

Однако и эти песни, далекие от революционной поэзии, порождали в буржуазно-дворянской фольклористике злобные вопли об „извращении народного песнотворчества“.

В этих песнях нет „...никаких нравственных сдержек, никаких истинно цивилизующих понятий“, — писали ревнители староскладной песни¹. Они понимали, что эта новая поэзия является „одним из неразлучных спутников промышленного движения“² и всеми силами пытались бороться с ней. В начале 1894 г. на страницах „Нового времени“ появилось даже предложение создать „общество русской песни“ со специальной задачей — бороться с фабрично-заводской песней и культивировать „старинную русскую песню“. Совершенно ясно, что вопли ретроградов не могли ни оживить крепостную поэзию, ни приостановить развития рабочего песнотворчества. Говоря о том, что к концу XIX в. устно-по-

¹ В. О. Михневич. Извращение народного песнотворчества. Стр. 767.

² То же. Стр. 766.

этический стиль пролетариата дифференцировался от крестьянского, нужно отметить, что устно-поэтический репертуар рабочего класса был неоднороден. В нем можно найти и песни, отражающие именно крестьянское влияние, и песни, заимствованные рабочими от городского мещанства. Наряду с широко распространяющимися в рабочей среде революционными, политическими песнями мы найдем и жестокий романс и стихи Пушкина, Огарева, Сурикова и др. Эта неоднородность коренится в дифференциации внутри самого рабочего класса. „Русский фабричный рабочий по самым условиям своей жизни вынужден сплошь да рядом становиться в самые тесные отношения к кустарям... Русский фабричный рабочий приходит в непосредственное соприкосновение и с сельским населением (нередко фабричный рабочий имеет семью в деревне“.¹ Это многообразие социальных опосредствований отражается в устной поэзии рабочего класса.

Наша задача — установить в этом многообразии известное единство, найти основное, решающее звено в подчас противоречивых мотивах различных песен, бытовавших в рабочей среде; определить, какие социальные прослойки рабочего класса заимствовали те или иные песни, чем объяснялась и в чем выражалась психоидеологическая близость этих прослоек к тем общественным классам и группам, у которых было произведено это заимствование, какую социальную функцию имели эти песни в классовой борьбе пролетариата.

III

Среди рабочих, связанных так или иначе с землей, с деревней, пользовались распространением, конечно, не те песни, которые являлись основными в репертуаре потомственного пролетария. Слепой, бесформенный протест против самой фабрики с ее жестокой эксплуатацией и невыносимыми условиями жизни и работы, стихийная, неосознанная глубокая ненависть к „хозяину“, тоска по родной деревне — вот комплекс идей, присущих целой группе песен, выражающих психоидеологию „крестьянской части“ рабочего класса. Комплекс идей, отражающий в сознании этого рабочего мучительный процесс перехода от одного эксплуататора, от патриархальной, феодальной эксплуатации к новому хозяину с его неприкрытой, хищной „европейски-развязной“ формой эксплуатации.

¹ Ленин. Задачи русских социал-демократов, Партиздат, М., 1932 г. стр. 6.

В таких песнях, как „Лет шестнадцати мальчишка“, „На Донской земле привольной“, „Лето красное проходит“, „Награды“¹ и др. мы легко можем найти идейные созвучия песням первой половины XIX в. И это понятно, потому что груз крестьянских настроений еще отягощал сознание творцов и носителей этих песен. Город, завод в этих произведениях изображаются как нечто чуждое, ненавистное. В песне „На Донской земле привольной“ доминирует идея отрицания постылого шахтерского труда.

Шахта изменила в худшую сторону „привольную землю“. Шахтер, отправляясь на работу, „прощается с белым светом“. Жестокая эксплуатация, гнет — все это воспринимается как нечто роковое и непреодолимое.

„Ох, ты боже, боже мой,
Висит камень надо мной,
Над моей головой,
Камень рухнет, упадет,
Мне головку прошибет“.

(„На Донской земле...“)

Бесспорно, что такое отношение к фабрично-заводскому индустриальному труду было свойственно именно крестьянину, пришедшему в город из деревни, недавно только оторвавшемуся от сохи. Отсутствие правильной строфичности, многочисленные повторения, характерны для крестьянской устной-поэтической техники. Все это свидетельствует о том, что творцы и носители этих песен были мало еще знакомы с книжной поэзией других классов.

Процесс производства описывается в песне только с эмоциональной стороны.

Страх перед невидимыми глубинами шахты,

„Клетка дернула — рванула,
Ах, в сердце кольнуло“...

ненависть к ней, —

„Отца с матерью проклял,
что на шахту он послал“...

вот эмоции, наполняющие эту песню. И в песне „Лет шест-

¹ См. №№ 6, 9, 3, 17 настоящего сборника.

надцати мальчишка“ шахта изображается, как нечто враждебное рабочему. Страх перед шахтой выступает явственно и в этой песне. Крестьянина гнетут своды подземных ходов. Буквально теми же словами, как и в песне „На Донской земле привольной“, изображается этот страх перед неведомой опасностью.

„Ох, боже мой, боже мой,
Висит капель надо мной,
Над моей головой,
Как камешек упадет,
И мне голову расшибет“.

Интересны в этой песне идеи своеобразного, анархо-индивидуалистического и, конечно, бесплодного бунта против шахты, и против хозяина и т. п.

„Рассчитай меня, хозяин,
Не хочу у тебя жить,
Такой сволочи служить“.

Отсталый рабочий не может осознать действия стихийных сил капиталистического общества, он не понимает и боится их, боится самой шахты, работы, т. е. материальных проявлений этих сил. Он — невольный фетишист. „Капитализм приносит в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войны, землетрясений и т. д.“ (Ленин) И наименее сознательные представители рабочего класса пытаются „бороться“ с этими стихийными капиталистическими силами, со „сволочью-хозяином“ тем, что они уходят от этого хозяина обратно в деревню, думая, что этим они избавятся от ужасов капитализма.

„Продай, батюшка, корову,
Вышли деньги на дорогу...
А ты, бабушка, овцу,
Вышли денег молодцу“...

Так пишет герой песни „Лет шестнадцати мальчишка“ в деревню.

Ненавидя хозяина, рабочий переносит свою ненависть и на его слуг — администрацию. В песне „Награды“ звучит яркий протест против вопиющего неравенства в положении рабочих и административно-контторского персонала, который

пользуется всяческими привилегиями, хотя работает гораздо меньше фабрично-заводского рабочего. Но и здесь этот протест беспомощен и слеп.

Все эти песни убедительно доказывают, что „в России остатки средневековых, полукрепостнических учреждений так бесконечно еще сильны (сравнительно с Западной Европой) они таким гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще, задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах.“¹

Разобранные выше песни имели особенное распространение в среде шахтеров, быт и жизнь которых они изображают. Состав рабочих шахтеров был по преимуществу крестьянский. О значительном распространении мелкобуржуазной лирики, о ее сильном влиянии на песенный репертуар даже современного шахтера говорят и новейшие исследования².

Ничем иным как крестьянскими влияниями объясняется и наличие частушки в рабочем репертуаре. Частушка не является характерным жанром рабочего устно-поэтического стиля. „Само появление частушки, как песенного жанра, в 80-х годах прошлого столетия уже застало фабрику в культурном отношении значительно переросшей интерес к этому виду устной поэзии“³. Частушка имеет распространение преимущественно среди рабочих, не потерявших связей с деревней, которые или приносят в фабрично-заводскую среду чисто деревенские частушки, или по их образцу, создают свои, уже несколько отличающиеся от крестьянских новой, более широкой тематикой. Крестьянская частушка — это по преимуществу короткая лирическая песня, описывающая те или иные нюансы любовных переживаний. Частушка же, созданная в рабочей среде, говорит не столько о любовных страданиях, сколько о страданиях, испытываемых рабочим во время каторжного труда на заводе. Вот что говорит о фабричных „частушках“ Г. Белорецкий, записывавший их на уральских заводах. — Мотив „жить тяжело“ звучит одинаково сильно в фабричных частушках всех трех заводов, на которых я успел побывать, и везде выражается почти в одних и тех же формах.

¹ Ленин. Что такое друзья народа и как они борются с социал-демократами, стр. 179.

² См., например, П. В. Пяковский. Коллективная пролетарская поэзия (песни Донбасса). Изд. М.—Л. 1927 г.

³ П. М. Соболев. О песенном репертуаре соврем. фабрики, Ученые записки Института языка и литературы, Рацион, т. II, М., 1928, стр. 50.

То же самое отношение к „распроклятому заводу“, то же глубокое недовольство „распостылым трудом“, та же ненависть к „немцу-управителю“, те же горькие жалобы на постигшие во время работы несчастия¹. Как мы видим, идейное наполнение этих частушек почти не отличается от таких песен, как „Лет шестнадцати мальчишка“ и „На Донской земле привольной“. И эти частушки не идут дальше констатирования фактов тяжелой жизни, многочисленных несчастных случаев.

„Распроклятый наш завод
Перепортил весь народ—
Кому палец, кому два,
Кому по локоть рука“.

Правда, глубокая ненависть к угнетателям сказывается, например, в такой частушке.

„Управитель наш подлец,
Всех замучил нас в конец:
В будни тяжело работаем,
В праздник отдыха не знаем“.

Однако эта ненависть носит скорее стихийный, чем сознательный характер. Несознательный полукрестьянин-полумрабочий не видит путей к освобождению.

„Никуда намнет пути,
Ни уехать ни уйти.
Управитель это знает,
Нами лихо помыкает“.

Он еще не вырвался из заколдованного круга крестьянской ограниченности, у него еще нет перспектив.

„Посмотрю на своево сына —
Сердце разорвется,
Та же горькая судьбина
Ему достается“.

Отсюда и глубокой пессимизм, которым переполнены эти частушки. „Для фабричных частушек существует и особый мотив, довольно бойкий, хотя и не всегда веселый, напев обычной частушки здесь заменяется другим — тоскливым, почти рыдающим“².

¹ Г. Белорецкий. Заводская поэзия, стр 40—41.

² Г. Белорецкий. То же, стр. 42.

Интересно отметить некоторое сходство этих песен с песнями луддитов в Англии.

Ненависть к „распроклятому заводу“, к „постылой шахте“ в разобранных нами песнях перекликается со своеобразным культом „машиноборчества“ луддитов.

„Вкруг встанем все мы, вкруг
И дадим мужественно клятву,
Что разобьем машины и окна
И огню предадим гудящую фабрику“¹.

Подобного рода воззрения, находя себе аналогию в пролетарской поэзии Запада, являются исторически закономерными и показывают, что некоторые слои русского пролетариата в 70—80 годах XIX в. проходили те же ступени классового развития, что и английский пролетариат 20—30 годов этого же века. Литература стран более развитых показывает картину будущего развития литературы стран менее развитых, можно сказать, перефразируя известные слова Маркса.

При различии в деталях общие контуры несомненно совпадают.

Для этих песен как мы можем убедиться на примере частушек, записанных Г. Белорецким, характерен индивидуалистический примитивный подход к проблеме эксплуатации. Малосознательный рабочий направляет острие своей ненависти не на систему общественных отношений, не на капитализм, а на отдельных его представителей.

Его кругозор еще очень узок: в уральских частушках объектом ненависти является даже не капиталист, а управляющий — непосредственный притеснитель.

Те же мотивы можно найти в песне „Награды“, в которой рабочий жалуется на заводскую администрацию, на мастеров и т. д. Крестьянский характер этих песен отличает их от родственных им во многих отношениях луддитских песен. Несознательный крестьянин — полурабочий — еще не видит путей к освобождению. Эти песни лишены призыва к борьбе, к действию; если в приведенном отрывке из луддитской песни мы видели, так сказать, активную ненависть к фабрике, то здесь это отрицание носит пассивный характер.

¹ См. Ф. П. Шиллер. „Очерки по истории чартистской поэзии, ГИХЛ, М.—Л, 1933, стр. 61.

„Освобожденного“ крестьянина поостереглись сделать пролетарием — его пролетаризация, напротив, была даже искусственно затруднена. Крестьянин был сделан „принудительным владельцем небольшого клочка земли, недостаточного, чтобы с него существовать“¹. Он принужден был прирабатывать на фабрике. По обследованию, произведенному на ф-ке Циндель в Москве, в 90-х годах количество непосредственно связанных с деревенским хозяйством рабочих достигало 12%.

Это — в Москве. В отдаленных же от центра местностях этот процент был еще выше. Разобранные выше песни выражают идеологию именно этой прослойки рабочего класса, именно эти стороны социальной жизни, формирующегося в общественный класс пролетариата.

Процесс пролетаризации крестьянина, искусственно затрудняемый, шел медленно и мучительно. Из темного забитого, бесправного крестьянина выковался в фабричном горне сознательный пролетарий; этапы этого процесса отразились, как мы видели, и в устной поэзии.

IV

Известное влияние на песенный репертуар рабочего класса оказала и устная поэзия городского мещанства. Влияние мещанской поэзии становится особенно ощутительным к 80 м — 90-м годам, когда рабочий уже стал городским жителем и начал постоянно сталкиваться в быту и на работе с городским ремесленником, мелким торговцем, мелким служащим... К этому же времени относится и процесс распада мелкого торгового и промышленного хозяйства. Мелкий хозяйчик гибнет при столкновении с растущей крупной промышленностью. „Во всяком капиталистическом обществе... ничтожное меньшинство мелких производителей наживается...выходит в люди, превращается в буржуа, а подавляющее большинство либо разоряется совсем и становится наемными рабочими или пауперами, или живет вечно на границе пролетарского состояния“².

Влияние мещанской поэзии на рабочий репертуар в конце XIX в. было двоякого рода. Разорившийся мещанин, приходя на фабрику, на завод, приносил с собой и свои песни, которые получали распространение среди полумещанской, ма-

¹ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, ГИЗ, М., 1922, т. IV, стр. 286.

² Ленин. Развитие капитализма в России. Собр. соч., ГИЗ, 1926, т. III, предисловие ко 2-му изданию, стр. 7—8.

ло дифференцировавшейся от мелкобуржуазной массы части рабочих.

Мещанин также являлся и предатчиком книжной поэзии в рабочий репертуар. „Поэзия мелкой и средней городской буржуазии, занимая срединное положение между книжной лирикой и другими социальными ветвями песенного фольклора, легче всего воспринимала в свой репертуар книжно-поэтический материал и, подвергнув его известному „опрошению“, передавала заимствованную продукцию в крестьянский фольклор и в песенный обиход фабрики“¹. Через мещанина в рабочий песенный репертуар попадали „жесткие романсы“ и песенные переделки произведений книжной поэзии. Интересное описание того, как и что поют фабричные рабочие, так или иначе связанные с городским мещанством, производит К. С. Кузьминский (описание относится к 90 м годам).

„Фабричная молодежь... к вечеру высыпает на улицу. Девиды ходят толпой, за ними парни; все хором поют песни, песни свои, особые, не деревенские. Тут вы услышите и „Чудный месяц“ — романс, распеваемый повсюду и „Под вечер осени ненастной“ и „Черную шаль...“².

Автор совершенно прав в том отношении, что эти песни действительно не деревенские, но он ошибается, когда говорит, что это „свои“ песни для фабричных рабочих. Упомянутый, распеваемый повсюду романс „Чудный месяц“ — является произведением поэта Ожегова — члена суриковского кружка. „Чудный месяц“ и „Колечко“ были написаны Ожеговым в 1884 г. Музыка для слов была составлена пользовавшимся большой известностью в московской купеческой и мещанской среде композитором Сурминым, сыном хозяина одного из трактиров на Трубной площади. Трактир этот охотно посещался московской мелкобуржуазной публикой из-за того, что в нем постоянно выступали певцы-гармонисты, исполнители „народных песен и романсов“³.

Вот каковы были пути проникновения литературного произведения в рабочий репертуар. Нечего и говорить о том, что „Под вечер осени ненастной“ и „Черная шаль“ Пушкина никак не являются идеологически „своими“ для пролетариата. Эти и им подобные переделки литературных произведений,

¹ П. М. Соболев. Песенники 90-х годов XVIII в. „Литература и марксизм“, 1928 г., 6 кн., стр. 95.

² К. С. Кузьминский. О современной народной песне, стр. 102.

³ Ю. М. Соколов. Русский фольклор, Учпедгиз 1932 г., вып. IV, стр. 56.

„жестокые“ мещанские романсы находили себе распространение, конечно, не среди передовой, сознательной части пролетариата. Выше мы уже упоминали Ожегова, как члена суриковского кружка. На суриковцах необходимо остановиться подробнее, ибо их произведения играют сравнительно большую роль в рабочем репертуаре, вернее в репертуаре рабочих, находившихся еще под влиянием мелкобуржуазной идеологии. Большой популярностью в конце XIX в. пользовались в широких трудящихся массах такие песни, как „Бывали дни веселые“, „Не брани меня, родная“, „Чудный месяц“, „Зачем ты, безумная, губишь“, „Доля бедняка“, „Измученный, истерзанный“ и т. п. Авторами этих романсов являются поэты-суриковцы: Разоренов, Горохов, Ожегов, Суриков и др. „Эта группа самоучек и самородков поэтов-суриковцев складывалась из портных, швейцаров, обездоленных ремесленников и т. п. горемык“¹, т. е. по преимуществу из тех разорившихся мещан, которые „прозябали на границе пролетарского состояния“. Каков же классовый эквивалент их творчества, чем объясняется известное влияние суриковщины на некоторые группы рабочего класса?

Идея борьбы совершенно несвойственна творчеству этих мещанских поэтов. Большинство их песен представляют собой сентиментальные lamentации на тему о „горькой доле“. Рассмотрим типичную в этом отношении песню „Измученный, истерзанный“ (автор — Г о р о х о в).

„Измученный, истерзанный
Наш брат мастеровой,
Идет, как тень заgrabная,
С работы трудовой.
С утра до темной ноченьки
Стоит за верстаком.
В руках пила тяжелая,
С пудовым молотком.
Копит казну купцу,
А сам страдает голодом,
Порой несет нужду.
Зима придет холодная,
Расчет ему дадут,
И вдруг семья голодная—
Все по миру идут.
В деревне тоже холодно,
Одна лишь нищета,
И холодно и голодно
Нужда, нужда, нужда...“

¹ А. Ефремин. Поэт и массы, М., 1932, стр. 112.

Дальше фиксации картин бедственного положения мастерового эта песня не идет. Да и сама эта картина имеет целью скорее разжалобить, чем поднять на борьбу. Выхода нет, всюду нужда и горе — вот основные идеи этой песни. Ее пессимизм — социальный пессимизм гибнущего, разоряющегося одиночки. Мещанин не может подняться выше гуманной фразы, не может понять сущность описываемых им явлений. „Одна из основных и характерных черт мещанства, которая и делает его классом реакционным, — это то, что мелкий производитель, разобщенный и изолированный самими условиями производства, привязанный к определенному месту и к определенному эксплуататору, не в состоянии понять классового характера той эксплуатации и того угнетения, от которых он страдает иногда не меньше пролетария“¹.

Несомненно влияние мещанской идеологии в песне „Время-тяжкий период — для фабричных настает“², в которой звучат мелкобуржуазные иллюзии о „добром хозяине“. Отсталый рабочий пытается повлиять на „сердце“ „купца“-угнетателя.

„А ведь люди и купцы —
Есть и дети и отцы“.

Наивно восклицает он, пытаясь пробудить „гуманные“ чувства в эксплуататорах.

Жестокая судьба каждый день убеждает его, что „на сердце“ у хозяев „ночь“, но революционных выводов отсюда он сделать не может.

А. Ефремин очень удачно охарактеризовал суриковцев, как „политических вегетерианцев-травоедов“. „Путанная идеология травоедов, эклектическая окрошка мелкобуржуазных воззрений, смазывающих проблему эксплуатации и классовой борьбы, разжижающая напряжение протеста, естественно не могла жить рядом с развернутой программой пролетарской революции“³.

К поэзии Сурикова почти целиком можно отнести характеристику, данную Энгельсом политическому глашатаю „истинного социализма“, литературному идеологу немецкого мещанства 30-х годов XIX в. Карлу Беку: „Бек воспитывает трусливое мещанское убожество „бедняка“, pauvre honteux, с его бедными, благочестивыми и непоследовательными же-

¹ Ленин. Что такое друзья народа..., стр. 143.

² См № 7 настоящего сборника.

³ А. Ефремин. Поэт и массы, стр. 114.

ланиями,— „бедняка“ во всех его формах, но не гордого, грозного и революционного пролетария”¹. Характерно, что наиболее распространенное стихотворение Сурикова (ставшее также и фактом фольклора) носит название „Доля бедняка“. Как это стихотворение, так и другие песни суриковцев являются лишь регистрацией „отдельных несчастных случаев и социальных казусов“ (Энгельс). Классово ограниченный кругозор пауперизированного „мастерового“ или мелкого и мельчайшего хозяйчика, видящего мир сквозь мутное окошко своей лавченки, не позволял поэтам этой социальной группы уловить и отобразить в живых образах реальные причины своей гибели. Этим объясняется и художественное худосочие их песен: бедность словаря, трафаретность сравнений, абстрактная риторика и склонность к фразе, заменяющей конкретный образный показ. История мировой пролетарской поэзии знает много имен „псевдорбочих“ поэтов, подобных Сурикову. Таков, например, Томас Гуд, о знаменитой „Песне о рубашке“ которого, имевшей большое распространение и в рабочей среде, Энгельс писал: „Томас Гуд... обнародовал в начале 1844 г., когда описания нужды швеи наполняли все газеты, прекрасное стихотворение „Песня о рубашке“. Оно вызвало немало жалостливых, но бесполезных слез у многих буржуазных девиц“². (Разрядка наша.—В. М.)

Таковы упоминавшиеся выше поэты немецкого истинного социализма Карл Бек, Альфред Мейснер и др.). Неразвитость классовых отношений, слабость пролетариата (Россия второй половины XIX в. находилась в этом отношении на уровне Запада начала XIX в.) порождают такую абстрактную филантропически-сентиментальную поэзию, воспевающую не борьбу, но примирение, не классовый гнев, а жалость и сострадание.

Важно, однако, то, что эта поэзия имела известное влияние на идеологию рабочего класса. Тематика песен суриковского кружка обеспечивала им некоторый успех в среде малосознательных рабочих. („Прослойка городского мещанства в конце 80-х годов доходила на московских фабриках до 8—10%”³.

¹ Статья Ф. Энгельса „Немецкий социализм в стихах и прозе“, 1847 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. II, ИМЭЛ, стр. 114.

² Ф. Энгельс. „Положение рабочего класса в Англии“, Маркс и Энгельс, соч. т. III, стр. 494.

³ В. Зельцер. „Рабочие и хозяева „Трехгорки“ в первой половине XIX в.“ Сб. „История пролетариата СССР“, 1—2 (13—14) 1933 г.

Мещанские песни, занесенные в рабочий репертуар, находили себе распространение преимущественно среди тех групп рабочих, которые не принимали участие в революционной борьбе. „Жестокий романс“—этот доминирующий жанр поэзии мещанского декаданса, созданный изолированными, гибнущими в процессе капиталистической эксплуатации Kleinbürger'ами, беспощадную классовую борьбу прикрашивает сентиментальной патетикой „гуманной“ фразы, выхолащивает революционное содержание этой борьбы, сводя ее к простому „недоразумению“, которое можно ликвидировать, воззвав к „совести“ богачей.

В условиях ожесточенной классовой борьбы эта поэзия была реакционной, она затемняла, затуманивала сознание рабочих, мешала им преодолеть груз предрассудков и притти к ясному пониманию своих классовых задач.

V

Эти ветви рабочего песенного фольклора не выражали революционной идеологии пролетариата, того пролетариата, который не имел непосредственной связи, ни с землей, ни с собственностью в городе. Уже к 80-м годам XIX в. в России образовались значительные кадры потомственных пролетариев. „Почти у половины всех московских текстильных рабочих начала 80 годов и отцы уже работали на фабриках. Это были, так сказать „наследственные пролетарии“¹.

Вот, именно эти подлинные пролетарии, ни с чем не связанные, не имеющие ничего кроме своих рабочих рук, и создали устную поэзию, отличную по своей идеологии от поэзии всех остальных общественных классов и групп. Несомненно, что поэзия этих наследственных индустриальных рабочих и является основной, ведущей в рабочем песенном репертуаре в том смысле, что именно они определили, создали стиль рабочей поэзии.

Процесс роста классового сознания рабочих шел быстрыми темпами. „Делаются все сильнее и сильнее с каждой новой верстой железных дорог, с каждым шагом вперед торговли, промышленности, капитализма в городе и в деревне, факторы умножающие, укрепляющие, закаляющие и сплаци-

¹ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжат. очерке, ГИЗ, М.—Л., 1923, стр. 169.

вающие пролетариат, помогающие ему не идти за обывателями, не шататься подобно мещанам"¹.

К концу XIX столетия рабочий класс становится гегемоном, руководящей силой революционного движения. Еще в 1874 г., участник процесса „50-ти“ рабочий Петр Алексеев в своей знаменитой речи сказал, что „от мускулистой руки рабочего люда разлетится в прах ярмо деспотизма“. Эта же идея, идея непримиримой классовой борьбы становится основной идеей рабочего художественного творчества, устной поэзии пролетариата. Наследственные пролетарии были гораздо культурней и грамотней остальной массы трудящихся. „Бойкие“ речистые, умеющие постоять за себя и критически отнестись к окружающему, они были горожанами, в лучшем смысле этого слова“, — говорит Г. В. Плеханов, работавший в 70-х годах в качестве пропагандиста среди петербургских рабочих².

Это они были организаторами рабочих союзов 70-х годов, это они возглавляли многочисленные стачки 80-х и 90-х годов, они явились авангардом рабочего класса, будучи костяком политической партии пролетариата, организовавшей в конце 80-х годов; той партии, про которую писал Энгельс: „Я горжусь, что среди русской молодежи существует партия, которая без оговорок и колебаний принимает великие экономические и исторические идеи марксизма“³. Они явились творцами и носителями революционных песен, боевой поэзии рабочего класса. В устной поэзии рабочих отразилась революционная борьба пролетариата, сама устная поэзия стала орудием в этой борьбе. „Как только на историческую арену выступил рабочий класс России, он принес с собой не только лозунг борьбы за политическую свободу и за грядущее социалистическое царство, но и свои пролетарские песни“⁴, которые выражали психоидеологию пролетариата как гегемона революции. „На Нижне-Тагильском заводе“, „Эх, и прост жеты, рабочий человек“, „Клятва“, „Сынам труда — свободу дать“, „Не оставим начатого дела“, „Развернувши знамена победные“⁵ и ряд др. Все эти песни суще-

¹ Ленин. Радикальный буржуа о русских рабочих, собр. соч. ГИЗ, М. 1924, т. XII, ч. II, стр. 376.

² См. М. Покровский. Русская история, вып. IV, стр. 288.

³ Сборник № 3 „Группа освобождение труда“, ГИЗ, 1925 г. стр. 25.

⁴ В. М. Фриче. Пролетарская поэзия, М., 1919 г, стр. 58.

⁵ См. № 20, 21, 26, 28, 29, 49 настоящего сборника.

ственно отличаются от таких, как, например, „На донской земле привольной“ или „Измученный, истерзанный“. И те и эти дают картину жизни рабочего, во всех этих песнях рисуется тяжелая жизнь, тот каторжный труд, про который так отозвался либеральный публицист из „Отечественных записок“: „Условия, которыми обставлена жизнь фабричного рабочего, хуже условий жизни последней крестьянской лошадедки-клячи; труд, который он несет, может быть назван „лошадиным“ разве только ради мягкости этого выражения“¹.

Но если в песнях „Измученный, истерзанный“ и подобных ей эта картина рисуется в форме жалобы на безобразные условия жизни, если в этих песнях звучит ненависть к труду, ненависть к заводу, если в них описывается преимущественно экономический гнет, то иное отношение к описываемому, иная форма выражения его свойственна пролетарским песням. Рассмотрим песню, имевшую большое распространение среди рабочих Урала и Сибири на рубеже XIX и XX столетий—„На Нижне-Тагильском заводе“. О расширении политического кругозора рабочего свидетельствует прежде всего тема песни—описание действий и гибели революционера, ведшего пропаганду среди рабочих. В песне даются описания эксплуатации, которой подвергались рабочие.

„В ту пору хозяйские лапы,
Как когти, держали нас всех,
А Важгин—артельщик, все хапал—
И то не считая за грех...
.....

На наши кровавые деньги
Себе он повыстроил дом“.

Интересно подчеркивание того, что этот гнет не может и не должен являться вечным... Рабочий знает, что только

„Все мы до поры до время
Ему подчиняться должны.

„Удалой бедняк“—так охарактеризован революционер в песне—говорит рабочим:

„Товарищи, братцы родные,
Довольно вам спины ломать
За то, чтоб, хозяева-черти,
На ваших трудах отдыхать“.

Все сочувствие в песне на стороне „удалого бедняка“.

¹ Абрамов Я. Из фабрично-заводского мира, „Отечественные записки“, 1882 г., кн. 3, стр. 5.

которого „кровопиец Важгин“, вызвав для усмирения завода полсотни казаков, отправил в Сибирь на каторгу.

Революция врывается в песни. Песня становится орудием революции.

Образ революционера в устной поэзии рисуется самыми положительными чертами. „Довольно спини ломать“ — вот вывод, который делает песня; она указывает ясный путь выхода — это путь революции.

„Павлухе не век управлять,
Мы сами добьемся управы
И не станем на бар работать“.

В этой песне нет той слепой ненависти к самому заводу, которая свойственна песням мелкобуржуазным, в которых слово завод непременно сочетается с эпитетом „распроклятый“. Мелкий буржуа, попавший на завод, на фабрику, не понимает их организующего значения, он боится фабричной школы „Смертельная боязнь перед этой школой, полное непонимание ее организующего значения характерны именно для приемов мысли, отражающих мелкобуржуазные условия существования, порождающих тот вид анархизма, который немецкие социал-демократы называют Edelanarchismus, т. е. „анархизм благородного человека, барский анархизм, как я бы сказал“¹, — пишет Ленин. Образ „мальчишки“, уходящего с фабрики, в песне „Лет шестнадцати мальчишка“ выражает эту идею анархо-индивидуалистического бунта; объективно эта песня отражает классово-чуждые влияния на рабочий класс. Совсем иное отношение к заводу мы видим в песне „На Ни ж не - Та ги ль ском за во де“. Завод в песне изображается не только как место эксплуатации, но и как то место, где происходит рост рабочего классового сознания, где куются кадры революционеров, причем показ этот дан в форме живых художественных образов: „молодого, удалого бедняка“, который „богу не молился“, призывал рабочих к революции и отдал свою жизнь за это дело, „артельщика Важгина“, который в песне, в ее сюжете, в ее идее является антагонистом революционеров, классовым врагом рабочих. Правда, в этой песне нельзя найти какой-либо определенной программы борьбы. Здесь скорее „социализм чувства“, еще во многом стихийный, теоретически бесформенный, но не надо забывать, что это художественное произведение было распространено и

¹ Ленин. „Шаг вперед, два назад“, собр. соч., изд. I, т. V, стр. 462

создано среди рабочих, которые теоретически были еще очень малограмотны. Оно отражает именно „пробуждение русского рабочего, его стихийное стремление к знанию, к объединению, к социализму, к борьбе против своих эксплуататоров и угнетателей“¹. Характерно, что жанр индивидуалистической лирики не свойственен устной поэзии пролетариата. Как песня „На Нижне-Тагильском заводе“, так и другие представляют собой эпические полотна, вскрывающие существенные социальные противоречия действительности, дающие уже некоторые социальные обобщения. В этом отношении очень интересна песня „фабричная камаринская“, представляющая собой яркую сатиру на фабрикантов, пытающихся обмануть рабочих в союзе с духовенством. Рабочий понимает уже, что религия является одним из орудий, которым пользуются эксплуататоры.

„Для нашего спасения
Поучают в воскресенье,
Чтоб безропотно трудились
Да молитвами кормились.

В песне обрисован завод Саввы Морозова:

„У Миронова, у Саввушки завод,
Обирают там безжалостно народ,
Все рабочие в убогости,
А на них большие строгости.“

В ней рассказывается о том, как „по-ученому“ обирают народ на этом заводе, как привлекают к этому и попов. Образ фабриканта дан замечательно реалистично и правдиво. В песне показывается, что для него собственность гораздо дороже жизни рабочих.

„Загорелся раз у Саввушки завод,
Разбегаться стал испуганный народ.
Управляющий пожар тушить велит,
А рабочий люд на улицу валит.
Дали Савве знать об этом в телефон,
Как ошпаренный примчался мигом он.
— Как, имущество мое должно гореть?!
Гей! Немедленно ворота запереть.
Не велел с двора пускать он ни души,
А там хочешь, аль не хочешь, а туши“.

Здесь изображены те черты „Саввушки“, которые свой-

¹ Ленин. Задачи русских социал-демократов, стр. 21.

ственным ему именно как эксплуататору-собственнику, реализм этой песни и заключается в том, что здесь правдиво показаны типичные характеры в типичных обстоятельствах, что здесь в конкретно художественной картине показана классовая сущность человека. Бесспорно, что эта песня имела большую пропагандистскую ценность, поскольку рисуемые события имели, конечно, не только местное значение. Показывая завод Морозова, самого фабриканта, песня делает обобщающий вывод.

„Эх, и прост же ты, рабочий человек.
На богатого гнешь спину весь свой век“.

Если в поэзии городского мещанства, когда оно пыталось отразить жизнь рабочих, дается описание только пассивных сторон этой жизни, в пролетарской поэзии описываются именно ее активные стороны: революционная практика рабочего класса определила эти особенности пролетарского устно-поэтического стиля. Как мы видим элементы революционного реализма были свойственны пролетарскому искусству еще на самых ранних этапах его развития. Отражением актуальных задач, стоящих перед пролетарским революционным движением, отражением растущей мощи пролетариата и его партии явилось появление жанра политической песни в рабочем репертуаре. Политическая песня получает широкое распространение с 90-х годов прошлого века. „Агитация 1894—1895 гг. и стачки 1895—1896 гг. создали прочную непрерывную связь социал-демократии с массовым рабочим движением“¹. Рабочее движение подымается от стихийности к сознательности; этот процесс в устной поэзии и нашел себе отражение в появлении политической песни. Политическая песнь рождалась и расцветала в самом горниле революционных событий. „Стачка — демонстрация, развертывающая красное знамя на улицах столиц, несущая революционные речи, революционные лозунги в толпу, в народную массу“², несла за собой революционный гимн, яркую политическую песню.

Проникновению политической песни в устно-поэтический репертуар пролетариата во многом способствовало появление в конце XIX в. многочисленных сборников революционных песен и стихотворений. Почти каждая провинциаль-

¹ Ленин. Идеальная борьба в рабочем движении, соб. соч. М., ГИЗ, 1924, т. XII, ч. II, стр. 466.

² Ленин. Развитие революционной стачки и уличных демонстраций, т. XII, ч. II, стр. 16.

ная партийная организация выпускала такие песенники; они зачастую печатались на гектографе, а иногда переписывались от руки.

Многие стихотворения, печатавшиеся в этих сборниках, получали большое распространение в среде рабочих, переделывались в песни и становились, таким образом, достоянием пролетарского фольклора. Так, например, стихотворение „Не трава в лесу колышется“¹, напечатанное в сборнике „Лютня“ в 1879 г. и датированное 1876 г. (автора стихотворения установить не удалось, подписано оно „Рабочий“), настолько прочно вошло в песенный обиход рабочего класса, что через 30 лет мы встречаем это стихотворение напечатанным в качестве популярной песни в двух революционных песенниках; при чем один из них был выпущен в Петербурге („Песни революции“, сборник революционных песен и стихотворений, СПб, 1905 г.), а другой в Ростове-на-Дону („Вперед“, сборник стихотворений и песен, составил М. Л., Ростов-на-Дону 1905 г.). За тридцать лет бытования в качестве песни стихотворение потерпело некоторые изменения (в частности неудачная строка „Не трава в лесу колышется“ была заменена более осмысленной — „Не трава в степи колышется“). Примеров таких устных переделок можно привести очень много. В том же сборнике „Вперед“ песня „Сынам труда свободу дать“² является переделкой стихотворения, напечатанного в Киевской рабочей газете за 1904 г. № 7—8 популярная песня „Праздник светлый и свободный“³, посвященная празднованию 1-го Мая также является устной переделкой стихотворения „Первое мая“, напечатанного первоначально в № 6 „Рабочей мысли“ за 1899 г. и т. д.

Песня становилась одной из форм политической, партийной агитации и пропаганды. Стачка, демонстрация, конкретная революционная практика создали ее. „В Варшаве 20 тысячная толпа рабочих собралась в Уяздовской аллее... Манифестанты пели „Красное знамя“ и „Варшавянку“, — это 1-е мая 1900 года „Огромная толпа демонстрантов от Сормовского завода шла все время с пением революционных песен“⁴. Это 1 мая в 1901 г. Рабочие уже не ограничива-

¹ См. № 33.

² См. № 49.

³ См. № 38.

⁴ В. Акимов-Махновец. Первое мая в России, „Былое“, 1906 г., кн. 10—11, стр. 90.

лись забастовками в день 1-го мая, массовая демонстрация с пением революционных песен становилась одним из неизменных атрибутов праздника. Интересны воспоминания старого революционера, члена с.-д. организации Г. Г. Сушкина о значении революционной песни. Рисуя картину рабочей маевки, происходившей в Саратове в конце 90-х годов, он пишет: „Ворвались бодрые и знакомые звуки рабочей марсельезы“:

„Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног“.

Эту песню знали почти все и призыв

„Вставай, поднимайся, рабочий народ,
Иди на борьбу, люд голодный..

дружно и смело вырывался из группы... Лились бодрые, смелые призывы революционных песен:

„Вихри враждебные веют над ними“.

„Варшавянку“ сменила:

„Дружно, товарищи, в ногу..

Спели старую рабочую песню:

„Лет уж тридцать как вот,
Может больше пройдет,
Как я стал работать,
Жизнь в нужде коротать.

Спели:

„Пыльной дорогой телега несется“.

Ведь песня была одним из могучих и, вместе с тем, доступных способов революционной агитации и пропаганды¹.

Роль боевой, революционной поэзии становится ясна также, если вспомнить, как любил и ценил ее Владимир Ильич Ленин².

Каковы же были стилистические особенности, идейное наполнение этих песен?

Мы не будем останавливаться на анализе таких общеизвестных песен, как: „Смело, товарищи, в ногу“, „Варшавянка“, „Отречемся от старого мира“ и др., которые, кстати, и не являлись продуктом рабочего творчества, хотя, будучи

¹ Г. Сушкин. Маевки прошлого, Изд-во Всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М., 1926 г., стр. 8—9.

² См. Лепешинский. На повороте, ГИЗ, 1922 г., стр. 94—95.

по своей идейной направленности близкими пролетариату, и вошли прочно в его устно-поэтический песенный репертуар. В плане ленинского понимания двух проявлений классовой борьбы пролетариата мы можем условно разбить эти песни на две группы: песни, преимущественно отражающие демократические тенденции этой борьбы, и песни, насыщенные социалистическими идеями („борьба против класса капиталистов, стремящаяся к разрушению классового строя и организации социалистического производства“) ¹. Бесспорно ни о каком механическом делении не может быть и речи, различие может быть только в том, какая тенденция доминирует, является ведущей. Как известно, перед Россией после 1860-х годов встали два возможных пути буржуазного развития, „американский“ путь „бури“, революции, путь буржуазно-демократической революции и путь „пруссский“ — путь реформ, путь компромиссов между буржуазией и царизмом.

Единственным классом, который вполне последовательно боролся за американский путь развития, был пролетариат, поскольку только он „безусловно враждебен абсолютизму“ (Ленин) и только он заинтересован в полной демократизации общественного строя. Буржуазно-демократическая революция для него является ступенью к социалистической революции. Устная поэзия пролетариата политическим эквивалентом имела борьбу за американский путь развития. Рассмотрим песню „Не трава в степи колышется“. В ней мы находим уже не беспомощный, слепой протест, а вполне конкретные политические лозунги.

„Хлынем, братья, не робея,
Как потоки внешних вод,
Пусть для деспота со сворой
Час отмщения пробьет“.

Борьба против абсолютизма, за политическую свободу — вот идейное содержание этой песни.

„Так сойдемся, братья, дружно
Чашу братства вместе пить,
Чтоб над павшим деспотизмом
Знамя равенства развить“.

¹ Ленин. Задачи русских социал-демократов, стр. 4.

Эта песня является чрезвычайно интересной по своей глубокой эмоциональной насыщенности.

„Чем всю живнь прожить под гнетом,
Лучше разом кончить с ней“.

Некоторое смешение элементов крестьянской поэтики (начало типичное для крестьянской песни с ее отрицательными сравнениями)

„Не трава в степи колышется,
Не в дубраве ветер шумит...“ и т. д.

с условными книжными оборотами речи („чашу братства вместе пить“) характерно для становления рабочего песенного стиля. Язык, композиция, версификация песни становятся все более „литературными“. Эмоциональная напряженность, патетика революционной борьбы в этой песне выражены в формах несколько напыщенного книжного языка.

„В политической, демократической борьбе русский рабочий класс стоит не одиноко; наряду с ним становятся все политические оппозиционные элементы слоев населения и класса, поскольку они враждебны абсолютизму и ведут против него борьбу в тех или иных формах¹. Вполне понятно, что, встречая демократические, близкие ему идеи в литературе других оппозиционных абсолютизму классов и групп, рабочий может заимствовать поэтическую форму выражения этих идей.

Отсюда — понятны и „чаша братства“ и „девизы“ и пр. книжные, литературные обороты в этой песне. Сквозь оболочку литературных штампов прорывается идея борьбы за политическую свободу и в песне „Наш праздник рабочий“.

„Мы долго терпели царевы кнуты,
Мы долго кормили все праздные рты.
Долой эту вражью породу,
Свободу народу, свободу!“

„Святое братство“, к которому призывает песня, — это не мелкобуржуазный эгалитаризм. Песня говорит о том, что „из-под ига неволи восстает рабочий народ“, что он несет освобождение, „победу и счастье“ всем трудящимся. Песня призывает к сплочению, к организации рабочего класса для борьбы.

„Мы дружно сомкнемся в бою
Ударим же песню свою“.

„У пролетариата нет иного оружия борьбы за власть

¹ Левин — Задачи русских социал-демократов, стр. 4.

кроме организации“, — говорил Владимир Ильич¹. Эта идея ярко выражена в песне „Не оставим начатого дела“.

„Не оставим начатого дела,
Не боимся мы тяжких невзгод,
Неустанно и твердо и смело
Мы пойдем все вперед и вперед.
Пусть нас гонят, пусть давят, ссылают,
Пусть позорные ставят столбы,
Не боимся мы, пусть это знают,
И не бросим начатой борьбы.
За рабочее правое дело,
За свободный общественный строй
Отдадим мы иссохшее тело
С истомленной больною душой.
Пусть враги, палачи, идиоты
Режут тело и пьют нашу кровь.
Для совместной и дружной работы,
Пусть нас гонят, сплотимся мы вновь“.

В этой песне говорит не либеральный фрондер, которому могут не нравиться те или иные стороны абсолютной монархии, и не „взбесившийся мелкий буржуа“. В ней звучит до конца последовательное и твердое убеждение борца-революционера, который отдает все свои силы, всю свою жизнь за „рабочее правое дело“. Некоторая абстрактность, свойственная этой песне, характерна для жанра политического гимна, который имеет своей целью довести до сознания слушателя определенные политические лозунги. В этом смысле „публицистическая“ заостренность песни является скорее достоинством, чем недостатком.

Правда, песня не называет определенного классового врага (расплывчатое — „враги, палачи, идиоты“), что снижает ее социальную значимость. Некоторая идейная незрелость чувствуется еще в ней. Эта песня является переделкой стихотворения малоизвестного пролетарского поэта И. Привалова², начавшего свою творческую деятельность в конце 90-х годов. Стихотворение Привалова не изменилось, попав в устный песенный репертуар. Это совершенно понятно: являясь близким пролетариату по своему идейному наполнению, отражая его интересы, оно не нуждалось в стилевых

¹ Ленин. Шаг вперед, два назад, стр. 482.

² См. его книжку стихотворений. И. Привалов, „Песни прядильщика“, СПб, 1907. Это же стихотворение помещено в сборнике „Песни революции“, СПб, 1905.

изменениях, попав в рабочую среду. Изменено лишь одно слово: вместо „патриоты“ подлинника, в песне — „идiotы“, рабочий заменил малопонятное ему слово, употребленное к тому же в стихе в ироническом плане, более простым. Смысл от этого не нарушился, но конкретная ирония над „патриотами“, которые борются против революции, — исчезла.

Мы привели наиболее характерные песни, отражающие борьбу пролетариата за политическое освобождение, против монархии, против „своры угнетателей“, выражающие демократические идеи рабочего класса.

Однако демократические идеи пролетариата отличаются радикально от демократизма мелкобуржуазного.

Если „знамя равенства“, равноправие в буржуазном понимании означает ликвидацию феодальных рогаток для наиболее полного развития капитализма, то пролетариат борется за демократизацию для того, чтобы ему легко было бороться с этой самой буржуазией, для того, чтобы добиться социалистической революции. Равноправие для него значит — уничтожение всяких классовых различий — социализм.

Политическая поэзия пролетариата конца 90-х годов насыщена социалистическими идеями. Совершенно четко выражены классовые стремления пролетариата, как могильщика буржуазии, в песне „Мы марсельезы гимн старинный на новый лад теперь споем“. (Автор этого стихотворения — т. А. Коц — переводчик „Интернационала“ на русский язык).

„Силен наш враг — буржуазия,
Но вслед за ней, на грозный суд,
Как беспощадная стихия,
Ее могильщики идут.
Она сама рукой беспечной
Кует тот меч, которым мы,
Низвергнув власть коварной тьмы,
Проложим путь к свободе вечной.
Не устрашит нас бой суровый,
Нарушив ваш кровавый пир,
Мы потеряем лишь оковы,
Но завоем целый мир“.

Классовые задачи пролетариата — интернациональны.

„Под красным знаменем свободы
Уж поднимаются все страны.
Пролетарии всех стран,
На бой, на бой,
На смертный бой,
Вставай — народ-титан!“

Как мы видим, идеи этих произведений резко отличаются от „гуманных“ сентиментальных ламентаций мещанского романа.

Песни пролетариата не только говорят о душевных стенах фабрики, о тяжелом труде и т. д., они зовут:

„Вперед, о, люд рабочий,
Из душевных мастерских.
Вперед из вечной ночи,
Подземных стен сырых“.

(„Нестерпима, тяжка наша доля“)

Политический гимн зовет к восстанию, к революции. Эта революция имеет определенные классовые задачи.

„Сынам труда — свободу дать,
Науки мощь и правды свет...
Довольно отдавать другим
Свои труды, мы жить хотим.
Не надо больше спину гнуть,
Пора свободно нам вздохнуть“.

Это революция — „сынов труда“ — пролетариата.

Наиболее ярко эти идеи выражены в песне „С л е з а м и
з а л и т м и р б е з б р е ж н ы й“.

„Долой тиранов. Прочь оковы,
Не нужно старых рабских пут.
Мы путь земле укажем новый.
Владыкой мира будет труд“.

Широко распространяясь среди трудящихся масс, эти песни выполняли свою социальную функцию — звать массы на борьбу с угнетением „поднимать полупролетарские и полумелкобуржуазные слои до революционности пролетариата“ (Л е н и н). Они служили классовым, партийным целям. Своей постановкой вопроса о политической, революционной борьбе они были направлены прямо против агитации „экономистов“, которые развернули свою деятельность в конце 90-х годов. Экономисты, борясь против „политики“, навязывали рабочим свое узкое и филистерское понимание задач пролетариата¹. В конкретно-исторических условиях конца XIX в. боевая поэзия пролетариата была направлена против интеллигентского-мелкобуржуазного оппортунизма экономистов. Отказ от демократических задач, от политической борьбы, проповедь

¹ Л е н и н. Две тактики социал-демокр. в демократ. революции. ГИЗ, М.—Л., 1931, стр. 102.

„малых дел“, проповедь стихийности — вот что характеризовало идеологию экономизма. Устная поэзия пролетариата выдвигает противоположные лозунги, борется за „искровство“¹. Совершенно неправильно утверждение И. Н. Кубикова, что, „нелегальная марксистская печать того времени (конца 90-х годов — В. М.), преследуя задачи боевого идеологического характера, лишь иногда помещала на своих страницах образцы политической поэзии, имеющей как бы подсобный характер. И только нелегальный орган примитивного экономизма „Рабочая мысль“ дает в этом отношении более обширный и интересный материал для суждения об истоках пролетарской поэзии“².

Поэзия, идеология экономизма, может дать представление не о пролетарской поэзии, идеологии, а... о мелкобуржуазном оппортунизме, который не отражал революционной идеологии пролетариата, который интеллигенты-экономисты пытались навязать рабочему движению.

Для И. Н. Кубикова задачи поэзии и „задачи боевого идеологического порядка“ — разные вещи. Неудивительно, что он не заметил мощной струи именно боевой, политической поэзии пролетариата, которая была наполнена марксистскими идеями („подсобная“ поэзия, как пренебрежительно отзывается Кубиков) и которая дает действительно интересный материал, для суждения об истоках пролетарской поэзии.

VI

Единство классовой практики пролетариата обусловило единство его художественной практики, его устно-поэтический стиль.

Как мы видели, доминирующей идеей всех проанализированных рабочих песен явилась идея революционной борьбы против угнетателей „за свободный общественный строй, за грядущее социалистическое общество, за „власть труда“. Это новое содержание требовало новой формы для своего воплощения. Анализ рабочей устной поэзии показал нам, как шел процесс „образования“ формы. Это был именно процесс, протекающий во времени и определяющийся конкретно-историческими условиями той же эпохи. Постепенно освобождаясь

¹ См. и в „книжной“ поэзии известный „Гимн новейшего русского социалиста“, написанный Мартовым „Заря“ № 1 и в пародийной форме, жестоко высмеивающий взгляды „экономистов“.

² И. Н. Кубиков. Пролетарская поэзия в нелегальной и профсоюзной печати, „Литература и марксизм“, 1931 г., кн. 3, стр. 78.

от канонов крестьянской поэтики, рабочая песня прошла несколько этапов стилевого развития. Классово-ограниченный, узкий кругозор разорившегося мелкого буржуа, пришедшего на фабрику, отражался в форме индивидуалистической, пессимистической лирики. Его песня была фрагментарна, ибо мещанин не мог охватить всю противоречивую действительность, разглядеть и изобразить ее существенные стороны.

Своеобразные формы развития русского капитализма удерживали груз крепостнических традиций, навыков и предрассудков в сознании рабочего; сказались они и в его поэзии (крестьянская любовная песня, частушки и т. д.). Подобные же иноклассовые влияния можно заметить и в поэтической технике пролетарского песенного фольклора.

В таких песнях, как „Нестерпимо тяжка наша доля“, „Не трава в степи колышется“, „Фабричная камаринская“, „Наш праздник рабочий“ и т. д., в разной мере, но определенно чувствуется влияние канонов книжной поэзии. Мы это уже отмечали при разборе песни „Не трава в степи колышется“.

Подражания книжным образцам встречались в рабочей устной поэзии еще в начале века. Так, А. А. Савич, рассказывая о тайном „обществе вольности“ на чермозском вотчинном (Лазаревском) заводе в 1836 г., говорит, что местные рабочие „составили пародию на какую-то оду Державина, в которой высмеяли свирепого заводского полицеймейстера Василия Наугольных“¹.

Но можно ли сказать, что рабочие, высмеивая в „оде“ заводского полицеймейстера, находились „в плену у дворянской поэзии“. Конечно нет. Ода Державина использована не как объект подражания, а как объект отталкивания, пародирования. Социальные функции дворянских од и „оды“ уральских рабочих коренным образом отличны друг от друга.

До известной степени прав В. Н. Перетц, который писал: „С развитием городской жизни, с развитием вообще многих новых явлений народного быта многие черты его не нашли отражения в старой песне; должна была явиться новая песня, более отвечающая новым требованиям, и кстати эта песня оказалась литературной, ибо народ не успел еще сложить, выработать своей, не осмотревшись, не успел еще привыкнуть к новой цивилизации, ворвавшейся так быстро в

¹ А. А. Савич. Тайное общество вольности на чермозском вотчинном (Лазаревском) заводе, 1836, „Пермский краеведческий сборник“, вып. II, Пермь, 1926 г., стр. 43.

его многовековое однообразное существование и так круто повернувшей в иную сторону задачи и интересы его ¹. В. Н. Перетц прав в том отношении, что новые „явления, быта“, скажем точнее,—социально-экономические условия, рост капитализма в России, рост пролетариата обусловили появление новой песни, которая имела новое содержание и требовала новой формы. Существует мнение, что формированию эстетических представлений рабочего класса, внедрению „книжной“ поэтики в его песню во многом способствовали песенники ². Действительно, во второй половине XIX в. количество „народных“ песенников исчислялось в сотнях тысяч: одна фирма Сытина издала в 1894 г.—62000 экз., фирма Губанова—66000 экз. и т. п. Но, во-первых, идеологически эти песенники являлись совершенно чуждыми рабочему классу: „продукция“ их была по преимуществу мещанская. Большого распространения эти песенники в рабочей среде не имели; это можно сказать на том основании, что они не оказали сколько-нибудь значительного влияния на рабочую устную поэзию. Во-вторых, „если песенники и являются проводниками поэзии в фабричную среду, то роль их должна быть признана вторичной, так как сами песенники черпают свой материал из песенного репертуара масс“ ³. Пролетариат не имел своей литературной школы; естественно, что ему приходилось в той или иной мере обращаться к богатой сокровищнице поэзии других классов. Наиболее близкой по своему психоидеологическому наполнению являлась революционная поэзия мелкой буржуазии—„разночинцев“. Несомненно влияние этой книжной поэзии на язык, версификацию, композицию рабочей песни. Стихи Л. Н. Трефолева, Навроцкого, конечно Некрасова и др. попадали в рабочую среду, становились песенными переделками. (См. „Дубинушка“, „Песня о комаринском мужике“ Трефолева, „Есть на Волге утес“ Навроцкого и др.). Большее распространение в рабочей среде получил известный народовольческий гимн „Смело, друзья, не теряйте“. Положительное наследство, заключающееся в их демократически боевой, публицистической лирике было воспринято рабочей устной поэзией.

А. Ефремин следующим образом характеризует поэзию

¹ В. Н. Перетц. Современные русские народные песни, СПб, 1893, стр 5.

² См. Ю. Соколов. „Русский фольклор“, вып. IV, стр 52.

³ П. М. Соболев. „О песенном репертуаре современной фабрики“, стр 62.

Якубовича-Мельшина: „Стиль... поэта почти безобразный. Лирика его холодна и рассудочна, но она насыщена общественно-заостренными раздумьями, поэтому она чужда обективности, поэтому она пользовалась немалым резонансом“¹. Резонанс этот можно обнаружить в рабочих песнях. Боевая, заостренная публицистичность, некоторый рационализм,—все это отличает и рабочую политическую лирику. Правда, позаимствованы были и некоторые отрицательные стороны поэзии разночинцев: ее условный, несколько напыщенный язык, обилие литературных трафаретов, сравнительное однообразие, языка, бедность изобразительных средств. Пролетарская песня по своей стилистике постепенно приблизилась к книжной поэзии. Enjambements, которое является совершенно чуждым и несвойственным крестьянскому песенному фольклору², встречается буквально в каждой песне конца 90-х годов. Пафосная порывистая речь политического гимна не могла уложиться в делениях стиха.

„Довольно отдавать другим
Свои труды. Мы жить хотим.“

Эти интонационные паузы способствовали большей выразительности, большей экспрессии.

„Вперед, на бой! Пред нами день,
Великий день освобождения“.

Приближению песни к литературным произведениям способствовали сборники революционных песен, распространявшие среди рабочих на ряду с песнями образцы революционной книжной лирики, становившиеся зачастую достоянием песенного фольклора. Так, некоторые стихи И. Привалова распевались в рабочей среде. Стихи Л. Радина, Г. М. Кржижановского получили чуть ли не всемирную известность именно как песни. Кто не знал „Варшавянки“, гимна „Смело, товарищи, в ногу“ и т. п. Попадали в рабочий песенный репертуар и стихотворения В. Нечаева, Ф. Шкулева. Интересный случай перехода литературного произведения в фольклор приведен И. Н. Кубиковым в его упоминавшейся выше статье. Помещенное в одном из нелегальных сборников стихотворение под названием

¹ А. Ефремин. Поэт и массы, стр 85.

² См. А. Потебня. Записки Академии Наук, т. XXXVII, прилож. № 4, стр. 107.

„Сказка о попе и чорте“ настолько прочно вошло в песенный фольклор рабочего класса, что уже в последние годы писатель Я. Шведов, проводя это стихотворение в своей повести „На мартенах“¹, говорит, что она является продуктом рабочего творчества и именно рабочих завода Гужона в Москве. Имя автора этого стихотворения совершенно забыто. Как мы видим, песенный фольклор рабочих 90-х годов прошлого века по преимуществу „фольклор по употреблению“. Бурный рост рабочего класса, его революционной мощи и сознательности требовали для своего художественного воплощения все более совершенных форм.

Устная поэзия явилась теми „детскими башмаками“, в которых пролетариат выходил в „большую литературу“, той почвой, на которой вырастала книжная литературная поэзия рабочего класса.

На рубеже XIX и XX в. появляется уже целый ряд литературно выявившихся пролетарских поэтов: Гмырев, Шкулев, Савин, Нечаев, Аниканов, Привалов и др.

Книжная поэзия вполне закономерно явилась следующим, высшим этапом развития пролетарского поэтического творчества.

¹ См. Я. Шведов. На мартенах, изд. Пролетарий, 1928 г., стр. 10.

ТЕКСТЫ

1

Вы леса ль, мой лесочки, леса мои темные,
Вы кусты ль, мой кусточки, кустики раkitовы.
Уж что же вы, кусточки, да все призаломаны.
У молодцев у фабричных глаза все заплаканы.
Как навстречу им фабричным главные хозяева,
Главные хозяева Грача Скарноухова:
Вы не плачьте-ка, молодчики, молодцы фабричные..
Поставлю вам, ребятушки, две светлицы новые,
Станы самолетные, основы суровые.
Нанесу я вам, ребятушки, ценушку высокую,
Ценушку высокую, салфетки по рублику“.

2

Во Вижаю по реке
При—на правую руке,
Тут строился завод,
Разорился весь народ.
Богаты-то сиятся,
Нужны-то зарятся.
Путинушки-те дальни,
Дороженьки не гладки—
Все пенье да коренье.
О пенье-то ножки бьет,
О серое дерет,
Полуночная звезда,
Она пишет завсегда.
Она фертик написала,
К Демидону отослала.
Демидон-то написал,

К Варокину отослал.
„Уж ты, Варокин кривой,
Ты, подрядчик молодой,
Ты и ходишь, ты и смотришь
Все заводушки свои“...
— „Уж вы робьте-ка, ребята,
Работайте молодцы,
По полтине на неделю,
По гривняге в воскресенье
Вы будете лытать, —
Мы будем о вас палки ломать“.

3

Лето красное проходит,
Зима морозна настает,
Зима морозна настает,
У фабричных сердце мрет.
С полуночи встает,
На работу поспеет.
На машине задремал, —
Праву ручку оторвал,
Праву ручку оторвал,
К отцу — матери послал.
Отец с матерью идут,
Слезы в три ручья текут.
А в народе говорят,
Фабриканта все бранят...
Ах, постылый ты завод,
Перепортил весь народ,
Перепортил, перегадил,
Никто замуж не берет —
И ни барин, ни купец,
Ни фабричный молодец.
Тот лишь замуж их возьмет,
Кто свиней в лесу пасет.

4

Слава богу, наш хозяин —
Поправляются дела:
Из кулька он во рогожку
С дымом вылетит в трубу.

Он за это полетит:
Поутру рано будит.
Он нас чаем не поит,
Плохи щи про нас варит:
Ни капусты, ни крупы —
Одной тепленькой воды.
Мы водицы похлебали,
Говядины ни куска.
Все празднички работали, —
У хозяина денег нет.
Будем деньги мы просить, —
Он глаза все перекосит.
Ну, так чорт с тобой, хозяин,
Со работой со твоей,
Со работой со твоей,
Со прикащиком дурным,
Со прикащиком дурным,
С подмастерьем дорогим,
Что за хваты за ребята
У № (фамилия хозяина) живут,
Носят ситцевы рубашки
Об семидесят запласт,
На них синие халаты
Подпоясаны ремнем.

5

Я такой был раскрасавчик,
Сам по фабрикам живал,
Разной спеси посбивал.
Получил денег не мало,
Сот на восемь рублей в год,
Итого мне не хватало:
Шестьдесят рублей в оброк.
Я с хозяином расчелся,
Из конторы вон пошел,
Кулаком слезы утер.
Как утерши горьки слезы,
Отправлялся в дальний путь,
Всю дороженьку проехал,
О расчете тосковал,
Куды денежки девал,
Куды гривна, куды рубль,

Куды два с полтиной.
А приехал я домой,
Весь оборванный, худой,
Словно жулик площадной...
— Поживи-ка ты в деревне,
Похлебай-ка серых щей,
Поноси худых лаптей“...

6

Лет шестнадцати мальчишка,
Я пошел на шахту жить,
Я пошел на шахту жить,
Такой сволочи служить.
Ой, боже мой, боже мой,
Висит капель надо мной,
Над моей головой.
Как камешек упадет,
И мне головку расшибет.
Шахтер рубит, шахтер бьет,
Под землею ход ведет.
У шахтера деньги есть,
Я не знаю, как подлезть.
Или ночью, или днем,
Или вечером с огнем.
Я рюмочку поднесу,
Я все деньги унесу.
Пишет, пишет мне родитель,
Пишет батюшка родной,
— Приезжай, сынок, домой.
Приезжай, сынок, один.
Мы голубчику дадим.
— Продай, батюшка, корову,
Пришли денег на дорогу,
А ты, маменька, собак,
Пришли денег на табак,
А ты, бабушка, овцу,
Пришли денег молодцу.
— Рассчитай меня, хозяин,
Не хочу у тебя жить,
Такой сволочи служить.
Я с конторушкой расчелся,
Ничего мне не пришлось.

Я с конторы большой вышел,
Кулаком слезы утер.

7

Время — тяжкий период
Для фабричных настает.
Жмет фабричного контора,
Как в тюремном замке вора,
Цену сбавляют, пишут штраф,
На защиту нету прав.
И не охни, не вздохни,
Спорить—боже сохрани.
Кто ж не хочет подчиниться,—
Надо с фабрикой проститься,
Поступить в артель „котов“,
Грязь месить у кабаков...
А ведь люди и купцы,
Есть и дети и отцы,
А на сердце у них ночь,
Чуть прогневал—поди прочь.

И. Фролов.

8

Как вечернюю порой у заводских у ворот
Собирался весь народ, собирался весь народ.
Как не славный хоровод, не в военный во поход.
Ой, нет — да, нет, ой ли, нет — да!
Собирался весь народ.
Видит мастер наш идет, видит мастер наш идет,
С собой барина ведет.
Ой ли да, ди да-да!
С собой барина привел, барин речь такую повел:
— Расходитесь, ребята, по казармам, по домам.
Все равно рубля не дам, все равно рубля не дам.
Ой ли дам, да я не дам!
Не пойдете по домам; я приказ тогда отдам,
Ой отдам ли, я отдам,
Накладут вам по шеям.

Конец исполнитель забыл. Записано от рабочего 41 года. Ала-
паевского завода Ефрема Антоновича Зяблина.

По его словам эту песню пели, когда он был мальчиком, т. е. в 1900 г. Песня протяжная. (Прим. в рукописи Ю. А. Самарина, записавшего эту песню в 1931 г. на Урале).

9

На Донской земле привольной,
На Макеевской степи,
На Макеевской степи,
Инженеры попрошли.
Инженеры попрошли,
Пласты угля понашли.
Нашли уголь-антрацит,
Там порыли ямы норы,
Где работают шахтеры.
Одна яма есть такая,
Преогромная большая —
Три аршина шириной
Да сто сорок глубиной.
Там приведенный шнурок,
На шнуре висит звонок.
Шнурок дернет, звонок звонит,
Рукоятчик, не зевай!
Рукоятчик, не зевай,
Машинисту слух давай!
Кочегар гудок дает:
Первый гудок прогудел —
Шахтер обуваться сел.
Второй гудок прогудел —
Шахтер шапочку надел,
А третий гудок подал —
Всех на здание собрал.
Подхожу я к ламповой,
Там народ стоит толпой,
Весь оборванный, худой.
Натолпилось народу,
Негде было ему встать,
Негде было ему стать,
Сейчас будет опускать.
Мы на клетку становились
По шестнадцать человек,
Мы на клетку становились,

С светом белым распростились,
Прощай, прощай, белый свет
Увидимся али нет,
Прощай, солнце и луна,
Прощай, милая моя.
Клетка вихрем понеслась,
И вся зданья затрясась.
Клетка дернула-рванула,
Ах, у сердце колонуло.
И не успел слово сказать
Становой кричит: „слезать“.
И мы слезли, покурили,
По продольным разошлись
За работу все взялись,
Кто за кайло, кто за лом,
А забойщик за забой,
А сапожник дело знает,
Только лямку одевает,
Сел на саночки, заплакал,
Отца с матерью проклял,
Что на шахту он послал.
Ох, ты, боже мой!
Висит камень надо мной,
Над моей головой,
Камень рухнет, упадет,
Мне голову прошибет.

10

Располным полна коробочка
Золоченого песка,
А как вспомнишь про зазнобушку,
Так сгрызет тебя тоска.
С ночки выйдешь в гору дальнюю,
Проработаешь весь день,
А домой пойдешь печальный
И голодный, словно тень.
Хоть полна моя коробочка,
Да ведь блочка крепка—
Не захватишь для зазнобушки
Золоченого песка.
Только как придешь с работушки,
Вмиг ко сдатчику спешишь,

Сразу сдашь ему коробушку
И один домой спешишь,
Без копейки горе мыкаешь,
Нет наживы никакой,
А за старательску работушку
Наживался окружной.
Я ведь силы клал не малые,
Как песочек добывал.
А теперь все эти денежки,
Наш хозяин пропивал,
Хоть полна моя коробушка,
А мне пользы ни гроша.
Будет век ходить зазнобушка
Без узорного платка.
Сам я буду как старателен
И мне не хватит на вино,
Станет век ласкать зазнобушка
Мое грустное лицо.

11

По улице темной и грязной
Идет горемыка шахтер.
Недельку трудился, работал,
В субботу расчет получил,
В воскресенье в кабак завалился,
И все до копейки прокутил.
Жена три дня печь не топила,
В трубу сильный ветер свистал.
А дитя все в хламидках застыло,
Кричит: „мама, есть я хочу“.
— Ой, цыц ты, дитя мое родное,
Вот скоро наш папа придет,
Он чаю нам, сахару купит
И булочку нам принесет.
Тихонько он дверь открывает,
Зашел горемыка-шахтер,
Жена вот на мужа взглянула
И горько плакать начала.
— Зачем тебя я полюбила,
Зачем я замуж пошла.
И лучше мне гроб и могила
И тем довольна-б я была.

12

Где шаялся, где шатался,
В котел он спать пошел,
Ломами укрывался,
А кирка в головах.
Несчастное положение
Котельщика душа,
И все его именье —
И кирка, два лома.

13

Лет пятнадцати уж вот,
Может больше пройдет,
Молодым пареньком
Я спознался с станком,
И пока в небе свет,
И мне отдыху нет.
Вот дожить довелось
До седых до волос
А для черного дня
Гроша нет у меня.
Что за вор, за злодей,
За лихой чародей
Мою деньгу берет,
Кровь рабочую пьет?
Это поп да купец,
Да царь-белый отец.

14

Гибнет счастье жизни нашей..
Мучается люд.
День - денской с утра до ночи
Работой, трудись.
Дармоедов же, начальства
Бойся, берегись.
И никто наш труд не ценит,
Труд наш не для нас:
Им живет и богатеет
Тот, кто мучит нас

.

Глуп рабочий люд.
За начальство же молиться
В божий храм идут.
В храме поп им начинает
Проповедь читать,
Что терпеть нужно, молиться
И уметь страдать.
И терпит люд рабочий,
Терпит и молчит,
И последнюю копейку
Он к попу тащит.

15

ТКАЧИ

С утра до ночи в заботе,
Мы на фабрике в работе,
Чисто как в аду.
Как пришел, пальтишко скинул,
Взял крючек, ¹ согнувши спину,
Целый день в ходу.
Шибко вертится станок;
Вдруг: ту-ту!—летит челнок
И ударит в бок.
В краю нитка порвалась,
И корзина ² наплелась:
Ткач остановил
Отвернул набор ³ рукою,
Взял щипцы ⁴, полил водою,
Голову склонил.
Он таскал нитку за ниткой.
Тут ему с соседней кидки ⁵
В спину челноком.
Он назад тут обернулся,
Шибко-крепко он ругнулся,
Грозил кулаком.

¹ Крючек для заводки ниток в основу.

² Подплетина в ткани от оборвавшейся в основе нитки.

³ Набор — зубчатое колесо для накатывания выработанного товара на валик.

⁴ Инструмент для очистки товара от узелков, шишечек и пр.

⁵ С места, где ходит челнок в соседнем станке.

Взял шипцы, на место вторнул,
И навой¹ назад надернул,
И станок пустил.
На другой оборотился
И за ручку² ухватился,
Плюнул на станок.
Там корзина пребо́льшая,
Да широкая такая—
Задаром кусок.
Тут станки — оба на якорь.
Чуть с досады не заплакал
И в заход пошел.³
Там полным полно народу;
Говорят, с нового года
Вздорожит вино.
Об вине, братцы, не дело,
Надо взяться нам за дело.
Плохо нам житье.
Всякий ткач про это знает,
Как хозяин обирает
Всех нас до чиста.
На Кавказе⁴ забастовка;
От хозяина прибавки
Требуют ткачи.
И нам тоже, братцы, надо,
Чорт с ней за год рубль награды.
Давай и мы!
А и то ведь, братцы, дело:
Ну-ка дружно все, да смело
Крикните — ура!
Тут все разом закричали,
Вон из фабрики бежали:
Стачка и у нас.
Вот за это тоже дело,
Что стакнулись дружно, смело,
Нас в тюрьму сажать.
Нас жандармы забирали,
По тюрьмам всех разогнали,

¹ Навой — валик, на котором намотана основа.

² Ручка при помощи которой пускается в ход станок.

³ За станок в уборную.

⁴ Обводный канал, где находилась Ново-Бумагопрядильная, рабочи-
ми назывался Новой Канавой. Подстрочное примечание на стр. 28. — П. С.

Всех по одному.
И допрашивали нас:
Кто зачинщик был у вас,
Что за человек?
Мы жандармам отвечали:
Мы зачинщика не знаем,
Все мы таковы.
Нам зачинщика не надо,
Наш хозяин обирало,
Всему он виной:
Обирает нас кругом,
Не кнутом бьет, а рублем,
Все пишет штрафы.
Вот за эти-то штрафы
И стакнулись-то мы,
Чтобы не писал,
Чтоб прибавил за работу,
В ночь под праздник не работать—
« Не по силе нам.
С восьми вечера ты станешь,
До восьми утра прядешь —
Тут-то каково!
В голове тут закружится
И в глазах уж помутится,
Ходишь, как глухой.
А машина все вертится,
И в руках уж не спорится,
И предсесть нельзя,
На окне если присел,
То полтинник, глядишь, с'ел:
Штрафуют тебя.
Ай-да славно песня вышла
Про житье-бытье фабрично.
То-то молодцы!

1879 г.

Штрипан, Мойсеевко

16

Я хочу вам рассказать,
Как нас стали обирать
Дармоеды-кулаки.
Полицейские крючки.
А министры да цари

На нас смотрят издали—
Указ новый написали,
Чтобы чаще обирали.
Попы пьяные орали,
Народ бедный надували.
Царь наш батюшка-спаситель,
Нашей шайки предводитель,
Хорошо ты управляешь:
Честных в каторгу-ссылаешь,
Суд военный утвердил,
Полны тюрьмы понабил,
Запретил всему народу
Говорить про свободу,
Кто осмелится сказать —
Велит вешать и стрелять.

1879 г.

Моисеенко.

17

НАГРАДЫ

Иногда берет досада, что наш хозяин каждый год
Дает конторщикам награду — рублей 200 и 500.
За что же им такое счастье, за что такая благодать,
Когда рабочему в несчастьи бояться рублик передать,
Когда придет рабочий бедный просить деньжонок на нужду,
Им жалко дать полушки медной, помочь считают за беду.
Затем измученный, испытый бедняк за деньгами придет,
То управляющий сердитый кричит ему „возьми расчет“.
За что же им такое счастье, за что такая благодать?
За что конторщикам награда, какой их подвиг или труд?
Вот на что берет досада, за что награду им дают.
Иль сидят они без хлеба, терпят холод или жар.
Но им награда — манна с неба, а не трудом добытый дар.
Житье конторщикам — приволье, нужды не видят целый год.
Он сладко ест и спит довольно, да еще награды ждет.
Не знаешь ты ни дня ни ночи, копейку кровью достаешь.
Труды твои никто не видит, ты про нужду не говоришь,
А понапрасну кто обидит, ты все терпишь да молчишь.
Встаешь ты рано, поздно ляжешь, проспять боишься 5 минут
А на работу опоздаешь — с тебя взыщут и рассчитают.
Ни в чем не видишь ты отрады, и за свой тяжелый труд.
Не жди, бедняк, себе награду: тебе копейки не дадут.

Н. Фролов.

18

ДУМЫ ТКАЧА

Мучит, терзает головушку буйную
Грохот машин и колес,
Свет застилается в оченках крупными
Каплями пота и слез.

Грохот машин, духота нестерпимая.
В воздухе клочья хлопка,
Маслом прогорклым воняет удушливо...
Да, жизнь ткача не легка..

Кашель проклятый измучил всю грудь мою,
Также болят и бока,
Рученьки, ноженьки ноют, сердечные...
Стой целый день у станка.

Нитка порвалась в основе канальская...
Эх! Распроклятая снасть.
Сколько греха-то ты примешь здесь на душу,
Господи боже, так страсть!

Ах, да зачем, да зачем же выльетесь,
Горькие слезы, из глаз,
Делу помеха, основу попортите
Быть мне в ответе за вас.

Как не завидовать главному мастеру,
Что у окошка сидит,
Чай попивает, да гладит бородушку,
Видно, душа не болит.

Ласков на взгляд, а пойти к нему вечером,
Станешь работу сдавать,
Он ту работу корит да ругается,
Все норовит браковать.

Все норовит, как бы меньше досталось
Нашему брату-ткачу.
Эх! Главный мастер, хозяин, надсмотрщики,
Жить ведь я тоже хочу.

С. Синегуб.

19

Эх, солдатское житье,
Горемычное бытие,
Ай, люлюшеньки люли. *2 раза*
Только тем и кавалер,
Что блестит его мундер. *Припев 2 р.*
А посмотришь за душой —
И полушки ни одной. *Припев 2 р.*
Всяка воля отнята,
Всяка правда заклята. *Припев 2 р.*
От зари и до зари
Царской службы лямку три. *Припев 2 р.*
Чуть заслышишь барабан,
Повинуйся, как чурбан. *Припев 2 р.*
Не доспи и не доешь,
Знай ученье да манеж. *Припев 2 р.*
Зябь и мокни под ружьем,
На морозе под дождем. *Припев 2 р.*
На ученьи день-деньской
Майся, словно как шальной. *Припев.*
А в награду опосля
Кулаки да фухтеля. *Припев.*
Командиры-то отцы
Только грубить молодцы. *Припев.*
Отобрать солдатский грош,
Да давить тебя, как вошь. *Припев.*
Чтоб без дела наказать,
Матюками обругать. *Припев.*
Провиантом обделить,
Да и в рыло норовить. *Припев.*
Эх, солдатское житье,
Горемычное бытие. *Припев.*
Хуже каторги оно
Очень больно, солоно. *Припев.*

20

На Нижне-Тагильском заводе,
Над старым большим рудником,
Стряслася беда роковая
Над тем молодым бедняком.

В ту пору хозяйские лапы,
Как когти, держали нас всех,
А Важгин — артельщик все хапал,
И то не считая за грех.
Он брал и деньгами, и хлебом,
И сахарным мелким песком.
На наши на кровные деньги
Себе он повыстроил дом.
Себе он повыстроил терем
Из красных больших кирпичей,
Из нас-то ведь всякий был беден
И ему много проработал ночей.
Важгин по приказу Павлухи
Всходил к нам ко всякому в дом
И каждого гнал на работу
Большим коногонным кнутом.
И все мы до время до поры
Ему подчиняться должны,
И все мы на работу ходили
Весь год от зари до зари.
Но время пришло и явился
Среди нас тот удалой бедняк,
Он богу вовек не молился
И нам всем он говаривал так:
Товарищи, братья родные,
Довольно вам спины ломать
За то, чтоб, хозяева-черти
На ваших трудах отдыхать.
Прошло то несчастное время,
Павлухе не век управлять,
Мы сами добьемся управы
И не станем на бар работать.
Но он говорил, а Павлуха
И с ним кровопивец Важгин
Призвали казаков с полсотни
И был им приказ лишь один:
Стрелять, не жалея патронов,
Коль будут итти против нас.
Издали они приказанье,
Урядник отдал их приказ.
А сами бедняка молодого
Сковали они в кандалы
И, не давши с семьей проститься,

Провели вдоль тюремной стены.
С завода его по этапу,
Угнали его за Байкал.
И умер бедняк там безвестно
Среди тех безрадостных скал.
А дома остался родитель
И старая дряхлая мать,
И будем мы дружно ребята
Его за упокой поминать.¹

21

„ФАБРИЧНАЯ КАМАРИНСКАЯ“

Эх, и прост же ты рабочий человек,
На богатого гнешь спину весь свой век.
У Миронова у Савушки завод,
Обирают там безжалостно народ,
Все рабочие в убогости,
А на них большие строгости.
Чтоб не вышло препирательства
За иные надувательства,
Канцелярия составила
Для рабочих пункты, правила.
Положила кары грозные,
Наказания серьезные,
Обирают по-ученому,
Принимают по-законному...
Загорелся раз у Савушки завод,
Разбежаться стал испуганно народ...
Управляющий пожар тушит велит,
А рабочий люд на улицу валит...
Дали Савве знать об этом в телефон,
Как ошпаренный примчался мигом он:
„Как, имущество мое должно гореть
Гей, немедленно ворота запереть!“
Не велел с двора пускать он ни души,

¹ Записана от рабочего Нижне-Тагильского завода Михаила Яковлевича Будрина, 54-х лет. Пел он песню на мотив близкий к „По диким степям Забайкала“. Он и другие рабочие говорили, что ему песню сочинил один политический ссыльный в 1907 г., что она описывает действительный факт (подтверждается документами ИСТПАРТ^а). Важгин — действительно существовавшее лицо. Павлуха — прозвище хозяина завода Демидова — Сан-Донато (умер в 1908 г.) (прим. в рукописи Ю. А. Самарина, записавшего эту песню летом 1931 г. на Урале.)

А там хочешь, аль не хочешь, а туши.
Савва — жирная скотинушка,
В три аршина животинушка,
Он живет себе с прохладою,
Умывается помадою,
Злой кручинушки не ведает,
По три раза в день обедает.
Обзавелся губернантками,
Черномазыми тальянками.
Обхождения приятного,
Разговору непонятного,
Они ходят точно павушки, —
Утешение для Саввушки.
Собирали как-то деньги на собор;
На заводе велел Саввушка сделать сбор:
„Подавайте с каждой хари четвертак,
Все равно снесете деньги все в кабак“.
Духовенство умилилося,
Савве низко поклонилося,
А для нашего спасения
Поучают в воскресения,
Чтоб безропотно трудилися,
Да молитвами кормилися.

22

ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

„Они сами стали копать себе могилу.
Генерал подошел к ним, усмехнулся
и сказал: „Копаете, ребята. Копайте,
копайте. Вы хотели земли, так вот вам
земля, а за волей идите на небеса“.

„Мы сами могилу копали свою.
Готова глубокая яма;
Пред ней мы все в ряд стоим на краю —
Стреляйте же верно и прямо.
Пусть в сердце ворвется жестокий свинец
И жаркою кровью напьется.
И сердце, не дрогнувши, примет конец.
Оно ведь для родины бьется“.
В ответ усмехнулся старик-генерал:
„Спасибо на вашей работе,
Земли вы хотели — я землю вам дал,

А волю на небе найдете.
„Не смейся жестокий, коварный старик,
Нам выпала страшная доля,
Но выстрелам вашим ответит наш крик:
„Земля и народная воля!“
Мы начали рано, мы шли умирать,
Но скоро по нашему следу,
Проложит дорогу товарищей рать;
У вас они вырвут победу.
Как мы, они будут в мундире рабов,
Но сердцем возлюбят свободу
И мы им закажем из наших гробов:
„Служите родному народу“.
Старик кровожадный, ты носишь в груди
Не сердце, а камень холодный.
Вы долго вели нас, слепые вожди,
Толпой немой и голодной.
Теперь вы безумно затеяли бой
В защиту уродливой власти;
Как хищные волки свирепой гурьбой,
Вы родину рвете на части.
А вы, что пред нами сомкнули штыки,
К убийству готовые братья.
Пускай мы погибнем от вашей руки,
Но вам мы не бросим проклятья.
Стреляйте вернее, готовься, не трусь
Кончается наша неволя.
Прощайте, ребята. Да здравствует Русь!
„Земля и народная воля!“

Тан. (В. Богораз)

23

НАРОДОВОЛЬЧЕСКИЙ ГИМН

Смело, друзья, не теряйте
Бодрость в неравном бою,
Родину-мать вы спасайте,
Честь и свободу свою.
Если ж погибнуть придется
В тюрьмах и в шахтах сырых,—
Дело всегда отзовется
На поколениях живых.
Пусть нас по тюрьмам сажают,

Пусть нас пытаются огнем,
Пусть в рудники нас ссылают,
Пусть мы все казни пройдем.
Если ж погибнуть придется... и т. д.
Стонет и тяжко страдает
Бедный наш русский народ,
Руки он к нам простирает,
Нас он на помощь зовет.
Если ж погибнуть придется... и т. д.
Час обновленья настанет,
Воли добьется народ.
Добрый нас словом помянет,
К нам на могилу придет.
Если ж погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых,—
Дело всегда отзовется
На поколениях живых...

24

ДОЛГО НАС ПОМЕЩИКИ ДУШИЛИ

Долго нас помещики душили.
Становые били.
И привыкли всякому злодею
Подставлять мы шею.
В страхе нас квартальные держали.
Немцы муштровали.
Что тут делать, долго ль до напасти—
Покоримся власти.
Мироеды тем и пробавлялись:
Над нами ломались;
Мы-де глупы, как овечье стадо—
Стричь да брить нас надо.
Про царей паны твердили миру.
Спьяна иль с жиру—
Сам-де бог помазал их елеем,
Как же пикнуть смеем.
Суд Шемякин—до бога высоко,
До царя далеко.
Царь сидит там в Питере, не слышит.
Знай, указы пишет.
А указ как бисером нанизан,
Не про нас лишь писан;

Так и этак ты его читаешь—
Все не понимаешь.
Каждый бутарь звал себя с нахаальством—
Малым начальством.
Знать и этих, господи ты боже,
Мазал маслом тоже.
Кто слышал о 25 годе
В крещеном народе?
Когда-б мы тогда не гаупы были,
Давно-б не тужили.
Поднялись в то время на злодеев:
Кондратий Рылеев,
Да покойник Пестель, да иные
Вовсе честные.
Не сумели в те поры мы смело
Отстоять их дело.
И сложили головы за братьий
Пестель да Кондратий,
Не найдется, что ль у нас инова,
Друга-Пугачева,
Чтобы крепко грудью встал он смело
За святое дело.

В. Курочкин

25

ПЕРВОМАЙСКАЯ ПЕСНЬ

Грянемте сомкнутым строем,
Грудью врагов отразим.
К счастью мы путь всем откроем,
Праздник борьбы осветим.
Мы возрождение народу,
Гибель тиранам несем,
Всем возвещая свободу,
Бодро вперед мы идем.
Солнце—наш факел победный,
Правда—наш лозунг святой.
Рухнет пред нами бесследно
Дряхлый насилия строй.
Сгинут цари-кровопийцы,
Скоро их троны падут.
Всех вас, тираны-убийцы,
Мести народной ждет суд...
Ваш, кулаки-мироеды,

Также настанет черед.
Близок час нашей победы,
Встанет на бой весь народ.
Барщина цепи, налоги,
Фабрики гнет крепостной,
Замки, казармы, остроги
Дружно снесем мы долой.
Слава великим идеям,
Слава бесстрашным борцам!
Разве и мы не сумеем
Двинуться ратью к дворцам?
Равенства, братства, свободы
Знаменем всех осеня,
Бросим мы в мрачные своды
Свет первомайского дня.
Грянем мы сомкнутым строем,
Царство насилья снесем,
Все на земле перестроим,
Все на свой лад заведем...

И. Каляев

26

КЛЯТВА

„Пролетарий, вперед,
Снаряжайся в поход.
Бьет тот час, когда народ
Умирает за свободу...
Пусть же вызов боевой
Только тот подымет смело,
Кто клянется головой
Постоять за наше дело.
Но в ответ перед вождем
Прогудело по народу:
„Все клянемся, все пойдем,
Грудью ляжем за свободу“
Из толпы старик один
Молвил—мрачный и суровый:
„С малых лет и до седин
Я влачил свои оковы...
Я поля своих господ
Орошал слезой и потом.
Я весь век, как мой народ,

Изнывал под тяжким гнетом.
С гнезд родимой стороны
Нас опричники согнали.
Для тюрьмы и для войны
Сыновей моих забрали.
Я молчал... Но в глубине,
Сердце радуя невольню,
Зрела, выросла во мне
Дума крепкая... Довольно
Наши слезы, кровь и пот
Пролились зловещей тучей.
Принесли свой поздний плод
Пламя ненависти жгучей.
И клянусь я сединой,
В час кровавый непогоды
С первой тронусь я волной
В бой под знаменем свободы".
И, как бури дальний гром,
Прогудело по народу:
„Все клянемся, все пойдем—
Грудью ляжем за свободу!
— „Я кузнец,— сказал другой —
И душой и телом молод...
Любо мне, когда дугой
У меня играет молот.
В этот миг, сдается мне,
Я спешу на подвиг ратный.
Сам, как сталь и весь в огне,
Я кую свой меч булатный.
Пролетарии меж нас
Все родились кузнецами.
Бьет наш молот раз за раз
Вместе с нашими сердцами.
Но в тот, когда рабы
Им куют себе оковы,
Мы, борцы, лишь для борьбы
Подымать его готовы.
Как чудовищный паук,
Гнет опутал нас сетями,
Давит тысячами рук,
Реет железными когтями.
Но из самых недр его
Мы железо вырывали.

И свой молот из него
В жарком пламени сковали...
И когда ударит час
Сбросить гнет орды татарской,
Задрожат сердца у нас
Гневом клятвы пролетарской.
И лишь только боевой
Кликнет клич всему народу—
Мы подыдем молот свой
И скуем себе свободу“.

27

Первого мая—праздник весны,
Мощный прибой пролетарской волны.

Празднуйте первое мая!

Гимн вдохновенный могучим борцам,
Клич дерзновенный усталым сердцам.

Празднуйте первое мая!

Все, кто готов в беспощадном бою
Грудью стоять за свободу свою,

Празднуйте первое мая!

Словно по взмаху рабочей руки
Смолкнут машины, котлы и станки.

Празднуйте первое мая!

Первое мая—праздник весны,
Мощный прибой пролетарской волны.

Празднуйте первое мая!

Дерзостный вызов рабочих полков,
Миру насилия, цепей и штыков.

Празднуйте первое мая!

28

Развернувши знамена победные,
Прошумите над миром грозой,
О, вперед—угнетенные, бедные,
Чтобы не был мир больше тюрьмой,
Написавши на знамени красном,
Боевые свободы слова,
Поклянемся друг другу бесстрашно,
Что умрем за защиту труда,
Через трупы борцов—угнетение

К торжеству никогда не придет,
На могилах их вырастет мщение.
И свобода для всех расцветет.
Разворачивай красное знамя,
Угнетенный рабочий народ,
О, горит уже бранное пламя,
Призывая бесстрашных вперед.

29

Не оставим начатого дела,
Не боимся мы тяжких невзгод,
Неустанно и твердо и смело
Мы пойдем все вперед и вперед.
Пусть нас гонят, пусть давят, ссылают,
Пусть позорные ставят столбы,
Не боимся мы, пусть это знают,
И не бросим начатой борьбы.
За рабочее правое дело,
За свободный общественный строй
Отдадим мы иссохшее тело
С истомленной больною душой.
Пусть враги, палачи, идиоты
Режут тело и пьют нашу кровь,
Для совместной и дружной работы
Пусть нас гонят, сплотимся мы вновь,
И. Привалов.

30

Наш праздник рабочий пришли мы справлять.
Да здравствует первое мая!
Товарищи, станем борьбу прославлять,
К свободе народ призывая.
Мы долго терпели царевы кнуты,
Мы долго кормили все праздные рты.
Долой эту вражью породу!
Свободу народу, свободу!
Горячее солнце на землю глядит,
И к жизни зовет всю природу.
Огнем лучезарным в нас песня горит—
То грозная песнь про свободу.
Припев.
Сегодня гуляет рабочий народ,
Восстав из-под ига неволи,

Людских унижений и всяких невзгод,
Он в счастии требует доли.

Припев.

Во всех чужеземных далеких краях,
Где брат под работою гнется,
Миллионами душ и на всех языках
Сегодня-то песня поется.

Припев.

Победу и счастье мы людям несем,
Мы всем завоюем свободу.
И, кончив с врагом, одним радостным днем
Ее отдадим мы народу.

Припев.

За мир, за свободу, за счастье людское,
За радости жизни, за братство святое
Мы дружно сомкнемся в бою.
Ударим же песню свою.

Припев.

31

Уж близок рассвет. Ночи бледная тень
В свете солнца растаять готова.
Наступает, гляди, жизнерадостный день
Долгожданного века золотого.
Пробуждается всюду рабочий народ,
С пробуждением дремавшей природы.
Раздалось могуче и грозно, „Вперед,
Угнетенные, к свету и счастью, к свободе!“
И на этот живящий и бодрый призыв
Из могучей вышедший груди,—
Вековые раздоры свои позабыв,
Отозвались рабочие люди.
И вступающим в бой солнце шлет свой привет.
В волнах яркого чистого света
Загорелась заря. Уже близок рассвет,
Близко царство любви и света.

32

МАШИНУШКА

(На мотив „Дубинушки“)

За годами года проходили грядой,
Изменилась родная картина.

И дубина с сохой отошли на покой,
Их сменила царица машина.

Эх, ты, машинушка, легче,
Эх, железная, сама пойдет.
Наладим, да смажем,
Да пустим.

Старый строй разрушал капитал-властелин,
С корнем рвал он дворянские роды,
Мужиков и ребят из родных палестин
Гнал на фабрики, верфи, заводы.

Припев.

Где дворянская жизнь, что лилася рекой,
Уж не гнутся на барщине спины.
Правит Русью кузнец, золотою рукой
Мужиков превратил он в машины.

Припев.

Знать английский урок не пропал—пошел впрок,
Поумнел наш российский купчина.
Лишь рабочий порой вопрошает с тоской:
„Что тяжеле соха или машина“.

Припев.

Без бояр, без дворян оказался наш царь.
Кто поддержит тебя, сиротина,
Кто опорой тебе будет в новой судьбе,
Кто заменит тебе дворянина?

Припев.

Но наш царь не сплошал, он купца обласкал
И купец ему ныне опора,
А российский мужик, уж к работе привык,
Его гложет кузнецкая свора.

Припев.

Но страшись, грозный царь, мы не будем, как встарь,
Безответно сносить свое горе.
За волною волна, поднялась ото сна
Люд рабочий бушует, как море.

Припев.

Он разрушит вконец твой роскошный дворец
И оставит лишь пепел от трона.
И отнимет в бою он порфиру твою
И порежет ее на знамена.

Припев.

Фабрикантов, купцов, твоих верных сынов,
Точно пыль, он развеет по полю.
И на месте вражды, да суровой нужды
Установит он братство и волю.

Припев.

33

Не трава в степи колышется,
Не в дубраве ветер шумит—
Клич удалый, мощный слышится
В бой с врагом итти велит.
То не кречеты слетаются,
Люд рабочий ополчается
Мстить за дедов и отцов.
Не страшат борцов мученья:
Ни тюрьма, ни эшафот.
Полны мужества, презренья,
Смело движутся вперед.
Так восстань же, сила мощная,
Против рабства и оков.
Суд гони расправу грозную—
Зуб за зуб и кровь за кровь.
Западет пусть в душу каждую—
Подлость, зло с земли стереть,
Иль на трупе брата павшего
За свободу умереть.
Братья! Дело наше правое,
Смело в путь итти должны.
Пусть нас сотнями ссылают,
Пусть, что будет—все равно,
Чем всю жизнь прожить под гнетом,
Лучше раньше кончить с ней,
Жить как жили мы доселе—
Это жизнь межд двух огней.
Пусть горит в душе отвага,

Пусть пылает правдой речь,
Пусть девизом нашим будет:
Победить или с честью лечь.
Хлынем, братья, не робея.
Как потоки вешних вод,
Пусть для деспота со сворой
Час отмщения пробьет.
Так сойдемся, братья, дружно
Чашу братства вместе пить,
Чтоб над павшим деспотизмом
Знамя равенства развить.

34

Нас много, нас много. Вставайте же, братья,
Не надо ни слез, ни бесплодной мольбы.
Проклятье насилью, тиранам проклятье!
Мы долго страдали, — вставайте же, братья,
И будем борцы — не рабы.
Глядите — заря занялася свободы,
В ком сердце отзывно и ум не погас,
Кто весь исстрадался за черные годы
Сходитесь, вставайте под знамя свободы
И время и правда за нас.
Пусть кровь наша льется, пусть в злобе бессильной
Министр временщик беспощадно казнит.
Не рабства позором, не тишью могильной
Ему не сковать уже волюшки сильной
Того, что отмщеньем горит.
За счастье народа, за свет и познание
Подыдем мы много мозолистых рук.
Проснулось работников-граждан сознание,
Довольно и крови и мук!
Что создано потом, что кровью смыто,
Над чем надрываясь не спали ночей,
Довольно вам, хищники, грабить открыто.
Веками вы кровь нашу пили досыта
Под гнетом жестоких властей.
Нас много, нас много. Вставайте же, братья,
Не надо ни слез, ни бесплодной мольбы.
Проклятье насилью, тиранам проклятье!
Мы долго страдали — вставайте же, братья,
И будем борцы — не рабы.

35

(На мотив Марсельезы)

Мы марсельезы гимн старинный
На новый лад теперь споем.
И пусть трепещут властелины
Перед проснувшимся врагом.
Пусть в песне мощной и свободной
Их поразит, как грозный бич,
Мугучий зов, победный клич,
Великий клич международный.

Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой,
На смертный бой
Вставай, народ-титан.

Веками длится бой упорный.
Не раз мятежною рукой
Народ платил за гнет позорный
И разрушал за строем строй.
Но никогда призыв свободный
Такою мощью не дышал,
Такой угрозой не звучал,
Как этот клич международный.

Припев.

Силен наш враг—буржуазия,
Но вслед за ней на грозный суд
Ее могильщики идут.
Она сама рукой беспечной
Кует тот меч, которым мы,
Низвергнув власть позорной тьмы,
Проложим путь к свободе вечной.

Припев.

Не устрасит нас бой суровый,
Нарушив ваш кровавый пир,
Мы потеряем лишь оковы,
Но завоюем целый мир.
Дрожите ж, жалкие тираны!
Уже подхвачен этот зов,

Под красным знаменем борцов
Уж поднимаются все страны.

Припев.

В стране, подавленной бесправьем,
Вам слышно ль? Близок ураган.
То в смертный бой с самодержавьем
Вступает русский великан.
Перед зарею пробужденья
Уже бледнеет ваша тень.
Вперед, на бой! Пред нами день,
Великий день освобожденья!

Припев.

А. Коц.

36

„ДУБИНУШКА“

Удивил царь весь мир,
Как царям предложил
Уничтожить военные силы:
„Нам не нужны войска,
Будем жить как друзья
И забудем про силу дубины“.
Эх, дубинушка, ухнем,
Эх, зеленая, сама пойдет,
Подернем, подернем.
Да ухнем.
Но дошло до царя,
Что настала пора,
И студенты восстали за право.
Первым делом тогда
Принялся без труда
По-старинному он за расправу.
Эх, дубинушка, ухнем,
Эх, зеленая, сама пойдет.
Подернем, подернем,
Да ухнем.
И дубиною той
Милосердной рукой
Пополняет полки молодежью.
И как вспомнишь порой,
Где твой друг дорогой,
Так невольно подернешься дрожью.

Эх, дубинушка, ухнем,
Эх, зеленая, сама пойдет.
Подернем, подернем,
Да ухнем.

Но крепись, брат родной,
За твоею спиной
Мы поднимемся дружной семьею.
И сотрем произвол,
И сам царский престол
Мы сравняем с сырою землею.
Эх, дубинушка, ухнем,
Эх, зеленая, сама пойдет.
Подернем, подернем,
Да ухнем.

Чтоб в солдатских рядах
От печали не чах,
Запевай-ка родную дубину,
Вспоминая о нас,
Ожидая тот час,
Когда мы отомстим властелину.

Припев.

Что ни день, что ни час,
Издавая указ,
Царь врагов сам себе наживает.
И в России давно
Страшной злобой полно
Все, что мыслит, живет и страдает.

Припев.

Нет, зачем нам страдать
И себя продавать,
Слепо идя во власть произвола.
Не пора ли начать
Нам народ созывать,—
Для борьбы уже почва готова.

Припев.

И не в день и не в год
Тот рабочий народ
Весь готов для борьбы за свободу.
И весь долг наш — восстать
И ему помогать
Сбросить с плеч вековую невзгоду.

Припев.

Но ведь, правда, друзья,
Что сей песни слова
Не должны оставаться лишь звуком.
И настанет пора,
Когда наша семья
Вся восстанет, идя друг за другом.

Припев.

37

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь—тяжелый труд,
Но день настанет неизбежный,
Неумолимо грозный суд.

Лейся вдаль наш напев, мчись кругом,
Над миром наше знамя веет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет:
То кровь работников на нем.

Пусть слуги тьмы хотят насильно
Связать разорванную сеть,
Слепое зло падет бессильно,
Добро не может умереть.

Припев.

Бездушный гнет, тупой, холодный,
Готов погибнуть, наконец.
Нам будет счастьем труд свободный
И братство даст ему венец.

Припев.

Вперед, друзья! Идем все вместе,
Рука с рукой и мысль одна.
Кто скажет буре: „Стой на месте“?
Чья власть на свете так сильна?

Припев.

Долой тиранов! Прочь оковы!
Не нужно старых рабских пут.
Мы путь земле укажем новый,
Владыкой мира будет труд.

Припев.

Праздник светлый и свободный.
Славься, первый майский день,
Наш союз международный
Новым блеском ты одень.
Уж прошел и год десятый
С той поры как белый свет
Облетел призыв крылатый —
В этот день работы нет.
Пусть же мчится в общем хоре
Мировому гимну вслед
Через горы, через море
Нам торжественный ответ.
Над Уралом и Кавказом,
Над Невой и над Днепром
Пусть наш оклик грянет разом,
Как весенний первый гром.
Наша жизнь идет в неволе,
Наша родина — тюрьма,
Нет позорней нашей доли,
Нет ужаснее ярма.
Встаньте, встаньте ратью смелой.
Силу дал нам бодрый труд.
Словно лен перегорелый,
Наши цепи упадут.
Разве даром так упорно
Напрягается рука
У пылающего горна,
У жужжащего станка.
Пусть из горна это пламя
Хлынет вон живым ключом.
И осветит, словно знамя,
Целый мир своим лучом.
Наш хозяин тароватый
На увертливую ложь,
Соблазняет нас приплатой,
Посулив нам лишний грош.
На посул его лукавый
Мы дадим один ответ:
Славься, праздник величавый,
В этот день работы нет.
За хозяином жандармы

Торопливо бьют в набат,
И выводят из казармы
Против нас ряды солдат.
Нас угроза не принудит,
Наш ответ готов давно:
В этот день труда не будет —
Мы решили заодно.
Встаньте, братья, бодрой ратью
Все в ряды. Плечо с плечом.
Только дружно встать нам нужно,
Каждый враг нам нипочем.
Над Уралом и Кавказом,
Над Невой и над Днепром
Пусть наш голос грянет разом,
Как весенний первый гром.

39

Вот опять в добрый час
На заводах у нас
Закипел труд, как встарь, с прежней силой.
Загудели гудки,
Застучали станки,
Заскрипели рубанки и пилы.
И опять, как всегда,
Мои братья — труда
И нужды подневольные дети —
И пилят и куют,
Тут же песни поют,
Забыв голод и гнет — все на свете.
Только я не могу
Позабыть: сберегу
В душе думу до самой могилы,
Думу жгучей тоски,
Что рвет грудь на куски,
Подрывает усталые силы.
Шли мы мирно к дворцу,
Шли к царю, как отцу,
Шли с надеждой и теплой молитвой.
И как встретил он нас,
Да, недобрый был час,
Как врагов встретил бойнею-битвой.
Сколько наших легло,

Сколько крови текло,
Сколько было проклятья и муки!
Как я вспомню — слеза
Застилает глаза,
Опускаются немощно руки,
И на грудь, словно град,
Капли, будто бы яд,
Выступают холодного пота.
И бежит, бежит прочь,
Как осенняя ночь, мной любимая прежде работа.
И. Привалов

40

Бодрей будь, товарищ, гони прочь сомненья,
Усталых не складывай рук.
Довольно унынья, довольно терпенья,
Довольно слез жгучих и мук.
Мы с детства на фабрике. Много терпели
С нуждой и невзгодой в бою,
Мы труд непосильный несем в колыбели,
Мы грудь надрываем свою.
Ты помнишь, ведь, ночью весеннею ясной
Шли в лес на собрание мы.
Мы, ждали, надеялись, верили страстно,
Конца ждали гнета и тьмы.
Мы ждали, когда, пробудившись, рабочий
Своими кудрями тряхнет:
Бесправье, насилие, мрак полуночи,
Цепь пут и оков разорвет.
Пора наступила. Взгляни, на заводе
Отважно и смело встают:
Какие там гимны слагают свободе,
Что песен там новых поют.
Там верят в победу, клянут там неволю
И силу тупых алебард.
И это борцов за свободу и волю
Лишь только, мой друг, авангард.
И. Привалов

41

Пускай патронов не желеют,
Пускай грозой блещут штыки,
Мы верим, нас не одолеют:

Полки так наши велики.
Мы все вперед глядим с любовью,
Не страшен нам кровавый бой—
Знамена, смоченные кровью,
Победно веют над страной.
Бессильно рушатся затворы
Проклятых тюрем от борьбы,
Не смыть постыдного позора
Довольным пасынкам судьбы.
Везде как огненное пламя
Несет победу над врагом—
Высоко вьется правды знамя
В краю родном.

Ф. Шкулев

42

(На мотив „Было дело над Полтавой“)

Братцы, гонят нас далеко
От родимой стороны—
В степи Дальнего Востока.
Ах, вернемся ли с войны.
Ждет нас стужа, лютый холод,
Лютый жар нас будет печь.
Ждет безводье, ждет нас голод,
Вражьи пули и картечь.
Эх, на все пошел бы смело,
Все б терпел: не смерть страшна,
Знать бы только, что за дело,
Знать, что правая война.
Да обидно-то, ребята,
Что без нужды без лихой
Гонят русского солдата,
Как скотину на убой.
Иль земли в России мало,
Что в Китай за ней идем.
Если барство все забрало,
То японец не причем.
Иль жить мирно надоело,
Что мы сунулися в брод,
Не спросившись, чтоб без дела
Сиротить родной народ.

Или русскому народу
Денег некуда девать,
Так мы их кидаем в воду,
Чтоб в японцев пострелять.
В дураках кругом мы, братцы,
Распроклятая война.
И видно, не глядя в святцы,
Для кого она нужна.
Распостылое начальство
С жиру бесится, а мы
Отвечай за их бахвальство,
Подставляй под пули лбы.

43

Тяжко, братцы, нам живется
На Руси святой,
Каждый шаг нам достается
Роковой борьбой.
Все, что лживо и фальшиво,
Правит всей страной.
Все, что честно и правдиво,
Топчется ногой.
Мы страдали, гибли, пали
За народ родной.
На эшафотах погибали
За идеал святой.
Все народы уж свободы
Добились давно,
А у нас одни невзгоды
И темно, темно.
Ну же, братцы, вы беритесь
За дело скорей.
От оков освободитесь,
От своих цепей.

44

Постой-ка, товарищ, опомнись-ка, брат,
Скорей брось винтовку на землю —
И гласу рабочему внимли, солдат,
Народному голосу внимли.
Зачем ты винтовку свою зарядил,
В какого врага ты стреляешь.

Бесжалостно брата родного убил,
Детишек его избиваешь.
Ты здесь убиваешь чужую семью —
В деревне твою избивают.
И издали грозно твоя же семья
Тебя же, солдат, проклинаят.
Все улицы русских больших городов
Залиты народною кровью.
Там дети рыдают и тысячи вдов
Клянут свою долюшку вдовью.
Несчастливая мать, потерявши дитя,
Над трупиком горько рыдает,
И злобно, солдат, проклинаят тебя
Ты слышишь, тебя проклинаят!
Ты мать и отца у ребенка отнял
И кто их убийца — он знает.
И вот с легионом рабочих дитя
Убийцу, тебя, проклинаят.
Постой-ка, товарищ, громко кричи:
Нет, брат, я солдат — не убийца.
Солдат уж проснулся и даст вам ключи.
К покою царя-кровопийцы.
Проснулась пехота, проснулся матрос,
Проснулась казачья сила.
И грозно отживший военный хаос
Уж жажда свободы сломила.
Постой-ка, товарищ, опомнись-ка, брат,
Скорей брось винтовку и с нами
Встань за свободу и вместе пойдем
На бой на кровавый с врагами!
Честнее на улице в кровавом бою
Погибнуть за лучшую долю,
Чем там на далеких манчжурских полях
Нам пасть, защищая неволю.

45

На мотив „Молодцам-солдатам не о чем тужить“

Русскому солдату
Тяжело служить,
Хоть какому хвату
Тошно станет жить.
Бедность одолела,

Командир гнетет,
Матюшит без дела
И без дела бьет.
И хоть будь начальство
В десять раз умней,
Ихнего нахальства
Осуждать не смей,
Одолея солдата
Рой тяжелых дум...
Эх, пора, ребята,
Взяться бы за ум!
Много уж народу
На Руси святой
Рады за свободу
Постоять горой.
Эх, пора-б солдату
Перестать зевать,
Чтобы нам, ребята,
Тоже к ним пристать!

46

По бурным волнам Черноморья
Чуть видно темнеет вдали —
То темный и сильный „Потемкин“,
Он к центру Одессы валит.
Свершивши великое дело,
Он кровью за кровь отомстил
И всех кровожадных драконов
С презреньем за борт опустил.
От сна пробудилась Одесса,
Проснулся рабочий народ,
И встала дворянская зависть,
Раздалась лишь грозно: „Вперед“.
И вот на горизонте темнеет:
То Кригер с эскадрой валит.
„Потемкин“, поднявши свой якорь,
Навстречу эскадре спешит.
И врезался в центр „Потемкин“,
На нем никого не видеть,
Лишь молча в открытые люки
Гигантские пушки глядят.
На нем не видеть офицеров

И нет командира на нем.
Нет равной „Потемкину“ силы:
Все битвы ему нипочем.
Вот взвился сигнал на фок-мачте,
Его разделят по судам.
И то, что как малый ребенок
Задумчив был наш адмирал.
И Кригер, начальник эскадры,
Порою, как заяц, дрожит,
Он дал ход узлов восемнадцать
И скрыться скорее спешит.
И скрывшись миль он за десять,
Храбрец, вдруг поднявши сигнал,
Спешит в Севастополь скорее,
Чтоб „Потемкин“ его не догнал.

47

Раз осенней порой,
Наш Очаков-герой
От эскадры стоял одиноко.
Про людскую печаль
Он все думал, мечтал
И таил в своем сердце глубоко.
Очень молод он был,
Не собрал полных сил,
Очень рано он вышел на волю.
И в открытом бою
С всей эскадрой лихой
Стал он драться за лучшую долю.
Но вот залп прогремел,
Он огнем заалел,
И огонь все на нем разгорался.
Но Чухнин адмирал
Им помочь не хотел,
Продолжал свое гнусное дело.
Не хотел им помочь, погубил в эту ночь
Всех борцов он за правое дело.
Как в костре на волнах,
Он поджег все во прах,
Остались мечты лишь в народе.
Да лишь Шмидта завет
Мы храним много лет,

И мы чтим его память глубоко.
Спи же ты тихо, борец,
Пусть свободы венец
Над тобой, как солнце, сияет.
И рабочий народ тебе песню поет
И с почетом тебя вспоминает.

48

Нестерпимо тяжка наша доля,
Нам пришлось так много страдать.
Но, друзья, разрежаются тучи,
Стало как-то свободней дышать.
Мы крепки и могучи как дубы,
Много сил в мускулистых руках.
Мы хотим также право на счастье,
Не хотим мы жить дальше в цепях.

Вперед, о люд рабочий,
Из душных мастерских,
Вперед из вечной ночи,
Подземных стен сырых.
Пускай дрожат тираны,
Наш долг сплочает нас,
И с гимном в честь свободы
Вперед, рабочий класс.

Коль хотим мы, чтоб истинной стала
Наша греза о счастье, друзья,
Коль хотим, чтоб скорей засияла
В небе правды свободы заря,
Коль хотим, чтоб нужда и ненастье
Не давили повсюду людей,
То протянем друг другу, о, братья,
Пролетарии, руку скорей.

Вперед, о люд рабочий и т. д.

49

Сынам труда свободу дать,
Науки мощь и правды свет—
Вот лозунг наш, вот наш завет.
Довольно отдавать другим
Свои труды, мы жить хотим.
Не надо больше спину гнуть,

Пора свободно всем вздохнуть.
В борьбе мы можем потерять
Свои лишь цепи, а найти
Мир целый счастья впереди.
Пусть правда в этот мир придет,
Народу счастье принесет.
Его для всех хотим мы взять.
Пусть тот, чья жизнь идет в труде,
Не гибнет в тяжелой нищете.
Пусть тот, чьи руки в мозолях,
Не стонет так в нужды тисках.
Пусть пот и кровь чужих трудов
Не строят для богатых кров.
Им роскошь—блеск не создает,
Пусть всяк своим трудом живет.

50

Кто не знает, что над миром
Рубль царит самоуправно,
Кровь из всех сосет вампиром
Из рабочих же — подавно.
Многим жизнь он сокращает,
Сеет горе и заботы.
И при этом защищает
Сверхурочные работы.
Вот вам токарь, муж солидный,
Дело знает специально,
Ну и платят не обидно—
Сотню в месяц минимально.
Уже чтоб казалось боле,
Можно бросить все заботы,
Но нужны при алкоголе
Сверхурочные работы.
Слесарь — парень современный,
Склонен грезить о свободе,
Гонорарий неизменный —
Два с полтиной в день на заводе.
О борьбе он классов знает,
Но жене давай капоты.
Муж работать начинает
Сверхурочные работы.
Гол кузнец, весь скарб в ломбарде,

На заводе дым ест очи.
Но играть на бильярде
Он готов до поздней ночи.
И в получку удивление —
Недохватки, недочеты..
От нужды одно спасенье —
Сверхурочные работы.
Скопидом-литейщик, в банке
Кое-что хранится..
Дышет ядом из вагранки,
Но последствий не страшится.
Пусть болит от сажи глотка,
Пусть противен труд до рвоты.
„Нет нужды“, он шепчет кротко, —
„сверхурочные работы“.
И таких рабочих много.
На глазах у них завесы,
Скрыта верная дорога,
Рубль туманит интересы.
А на самом деле нужно
Бросить лишние заботы,
Упразднить совместно, дружно
Сверхурочные работы.

А. Дикий

51

Ну, жена, молился богу,
Не ропщи на свой удел.
Незаметно, понемногу
Я как будто поумнел.
На союз махнул рукою,
Пользы мало дал мне он.
Гордый штукою такою,
Приобрел я граммофон.
Справим прошлому поминки.
На собрание не иду.
Оботри платком пластинки,
Я „Варяга“ заведу.
Обругал монтер намеренно:
Ты такой, мол, и сякой.
Изо всех он превередней,
Но... махнул уж я рукою.
Страшно сбавили расценки,

Сократим опять харчи.
Мастера снимают пенки,
Ты же с голоду рычи.
Но печалиться не стоит,
Можно жить еще пока.
Граммфон нас успокоит,
Заведи-ка „Трепака“.
Штрафы сыплются в заводе,
Каждый чорт у них — барон.
Ну-ка „Ой-ра“, „Ой-ра“ в моде,
Распотешь нас, граммфон.
Вновь пугаюсь увольнением,
Сократят повсюду штат,
Нас грызут с ожесточеньем,
Умереть порою рад.
Но в союз теперь я вносы
Перестану отдавать.
К чорту мысли и вопросы—
Лягу лучше на кровать.
Я сознательный рабочий,
Книги выброшу все вон.
И пускай до поздней ночи
Мне играет граммфон.

А. Диккий

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

1. Бредский, Н. А. и Львов Рогачевский, В. Революционные мотивы русской поэзии. Л. „Колос“, 1926 г., №№ 22, 23, 25¹.
2. Вперед. Сборник стихотворений и песен. Составил М. А. Ростов-на-Дону. 1905 г., №№ 28, 29, 33, 34, 35, 37, 38, 48.
3. Воронов, Н. И. Записки о событиях Владимирской губернии. 1907 г., № 17.
4. Канатчиков, С. Из истории моего бытия. ЗИФ, М.—Л., 1930 г., №№ 13, 14.
5. Лютня. Собрание свободных песен и стихотворений. Лейпциг. 1879 г.,— №№ 19, 24.
6. Моисеенко, П. А. Воспоминания 1873—1923 гг., Истпарт. Изд. „Красная Новь“. М., 1924, №№ 15, 16.
7. Наш путь. 1910 г. (№№ 6 и 10) №№ 50, 51.
8. Песни жизни. Библиотека русского пролетария № 1. Женева, 1903 г., № 30.
9. Песни пролетариев. Сборник сост. Д.-н., СПб, 1907 г., №№ 26, 27.
10. Песни и стихи революцион. Солдатский сборник. Казань. 1906 г., №№ 36, 42, 44, 45.
11. Песни революции. Сборник революционных песен и стихотворений СПб, 1905 г., №№ 31, 32, 43.
12. Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. II, ч. I, № 1.
13. Под красным знаменем. Сборник свободных песен. Вып. 1-й кн.-во. „Искра“, М., 1906 г., № 41.
14. Привалов. Песни прядильщика. СПб, 1907 г., №№ 39, 40.
15. Пяковский, А. В. Коллективная пролетарская поэзия (Песни Донбасса). ГИЗ, М.—Л., 1927, №№ 46, 47.
16. Русская революция в сатире и юморе. Часть I (1905—1907 гг.), составил К. Чуковский. Библиотека „Красной Нивы“. Вып. II, М. 1924 г. № 21.
17. Рябинин, А. Из истории рабочего движения в Иваново-Вознесенском промышленном районе. „Минувшие годы“, 1908 г., кн. 5—6. № 7.
18. Синегуб, С. С. Записки чайковца. „Молодая гвардия“. М.—Л., 1929 г. № 18.
19. Соколов, Ю. М., проф. Русский фольклор. Вып. IV, Учпедгиз, 1932 г., №№ 8, 10, 20.
20. Соболевский, А. И. Великорусские народные песни., т. VI, СПб. 1900 г., №№ 2, 3, 4, 5, 6.
21. Записи Ю. А. Самарина (Москва), № 9, 11, 12.

¹ №№ обозначают соответствующие песни настоящего сборника.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
5	3 снизу	поэзия	поэзии
6	12 сверху	характор	характер
7		Не чувствовалось	Не чувствовалось,
		что мы в арестант-	что мы в арестант-
		ской барже	ской барже
"		блаженнае	блаженная
"		настроание	настроение
	Сноска 5-я относится к соответствующему месту текста на стр. 8		
10	13 снизу	воспоминаниэм	воспоминанием
14	5 сверху	сознаний	сознании
"	6 "	переодолелн	преодолеи
15	сноска 3	gesun kene	gesunkene
19	13 сверху	встать	стать
19	15 сверху	fürs ich	für sich
22	20 "	Азадовский	Азадовский
23	4 "	М. К. Азадовского	у М. К. Азадовского
24	сноска 2	„Пермский „краеведче- ский сборник“	„Пермский краеведческий сборник“
25	10 снизу	в город на заработки“	в города на заработки
27	сноска 2	Подробные	Подробнее
29	18 сверху	Не даром	не даром
29	13 снизу	не понятен	не понятны
30	12 сверху	не - з н а л и	не з н а л и
"	9 снизу	Необходимо помнить что в рассматриваемую эпоху...	Необходимо помнить, что в рассматриваемую эпоху...
"	сноска 3	т., II	т. II
34	7 сверху	на свете	на свет
36	2 снизу	ч. V	т. V
41	7 снизу	являются	являлись
48	15 "	намнет	нам нет
52	20 сверху	класса	класса
57	20 снизу	даются описания	дается описание
59	12 сверху	Фабрикантов	фабрикантов
73	2 сверху	ракитовые	ракитовы
85	Под песней № 17 снять подпись		

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редактора	3
Проф. П. М. Соболев. К изучению фольклора фабрично-заводских рабочих	5
В. И. Муравьев. Этапы развития пролетарского устно-поэтического стиля	33
Тексты	73
Указатель источников	118

238 585

2 р. 50 к.

